

ДЕТЕКТИВ С ШОКИРУЮЩИМ ФИНАЛОМ

ПУСТЫЕ КОМНАТЫ

The background of the cover is a stylized illustration. It depicts a large, multi-story building with a central tower and several chimneys, set in a snowy landscape. In the foreground, three people are walking: a man in a dark jacket and light pants, a woman in a long blue dress, and another man in a dark jacket and a blue scarf. The sky is a mix of blue and white, with several birds in flight. The overall style is painterly and somewhat somber.

АЛЕКС ПАЛВИН

ОН ПЫТАЛСЯ ПОНЯТЬ ПСИХОЛОГИЮ УБИЙЦЫ, НО ОТКРЫЛ
ТЕМНЫЕ КОМНАТЫ В СВОЕЙ ДУШЕ...

Алекс Палвин
Пустые комнаты
Серия «Разрыв шаблона. Детектив
с шокирующим финалом»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66953748

*Алекс Палвин Пустые комнаты:
ISBN 978-5-04-163418-6*

Аннотация

Дэн крепко выпил, и ближе к полуночи сел за руль. Темных холодный лес подступал к шоссе с обеих сторон. Стылый воздух свистел на зеркалах заднего вида. Водитель лишь на мгновение прикрыл глаза. А когда открыл – увидел человека, который неторопливо переходил шоссе.... Тормозить было поздно. На черном асфальте остались только кровавые полосы. Тела Дэн не нашел.

Через два года он получил анонимное письмо – приглашение на встречу в город-призрак Хорслейк, в заброшенный особняк, прозванный местными «Ведьмин дом». В противном случае незнакомец обещал предать огласке происшествие на ночной дороге...

- Прекрасный литературный язык, который отличает точность метафор, немногословие, безупречная передача эмоционального состояния героев;

- Мозг при чтении просто отдыхает и наслаждается, так как в романе всего три действующих персонажа! Несмотря на это, они держат в невероятном напряжении и не отпускают до последней страницы.

- Автор завоевал первое место на литературном конкурсе «Неформат» в 2013 году.

- Эксклюзивную иллюстрацию к роману подготовила художница Анна Кожина.

Содержание

Пролог	10
Часть первая	13
1	13
2	18
3	20
4	30
5	40
6	45
7	49
8	53
9	58
10	61
11	65
12	72
13	81
14	85
15	92
Часть вторая	99
16	99
17	105
18	111
19	114
20	120

21	126
22	129
23	139
24	146
25	150
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Алекс Палвин

Пустые комнаты

Серия «Разрыв шаблона. Детектив с шокирующим финалом»

В оформлении обложки использована иллюстрация художника Анны Кожиной

© Павлик А.С., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Боль зияет пустотами.
Ей не вспомнить – давно ли
Она родилась и было ли время,
Еще не знавшее боли.
Она сама – свое будущее.
Попав в ее вечный круг,
Прошедшее зорко пророчит
Периоды новых мук.*
Эмили Дикинсон¹

¹ Перевод В. Марковой.

Пролог

В начале одиннадцатого ночи, опрокинув около четырнадцати тумблеров неразбавленного виски, я побрел через парковку к своему автомобилю. Если вы собираетесь вести машину в изрядном подпитии, вам следует быть готовым к тому, что это может стоить вам денег, свободы, в конце концов, жизни. Причем не только вашей.

Я знал, что попаду в беду, как только мои руки коснулись рулевого колеса. Это не было предчувствие – нет, я просто знал это. Той осенью мой физический возраст сравнялся с возрастом моего отца на момент его смерти, и я не мог не чувствовать некой связи с ним.

Пустынное шоссе – десять миль однообразного леса и однотипной обочины – тянулось в коридоре деревьев. Я на миг прикрыл глаза, а когда открыл их, на дороге был человек. Он почти дошел до двойной сплошной. Помню, в тот момент меня посетили две мысли. Первая: у него нет фонаря, значит, он шагал по лесу в темноте. Вторая: какого черта он не выглядит испуганным.

Человек повернул голову и посмотрел на меня, наши взгляды встретились. На короткий миг мы были достаточно близко, чтобы заглянуть в мир друг друга. Я смотрел ему в глаза, когда сбил его на скорости сорок миль в час. По ветровому стеклу выстрелили длинные извилистые трещины, что-

то прогрохотало по крыше и свалилось на дорогу в красном свете тормозных огней.

Сердце колотилось как сумасшедшее. Толкнув дверцу, я вывалился на дорогу и, спотыкаясь, опустил взгляд – убедиться, что не обмочился. На асфальте остались алые полосы, которые вели под деревья, в темноту. Я представил, как он подтягивает за собой ноги и всхлипывает от боли. Однажды я подстрелил олениху и шел по следу, крови на траве становилось все больше – хороший знак для охотника, выслеживающего подранка. Люди, которые никогда не были на охоте, полагают, что главное – попасть в цель. Отчасти они правы. Добычу еще надо отыскать. Когда я нашел олениху, она была уже мертва.

В свете фар упали первые снежинки. Именно тьма сделала свет таким ярким, а страх – ослепительным. Запрыгнув за руль, я дал по газам, а по возвращении домой выдул бутылку водки, вырубился на полу в гостиной и пролежал так до утра.

Утром я решил убедить себя, что это был олень. Конечно, почему бы и нет? Но у оленей не бывает таких глаз, возразил внутренний голос. Такие глаза привычнее видеть на морде волка.

В течение следующего месяца я был занят тем, что постоянно просматривал новости и ждал появления полиции на крыльце своего дома. Пробовал найти то место, в дальнейшем множество раз проезжал мимо, однако ничто не екнуло во мне, не шепнуло «остановись», холодок не сполз по позво-

ночнику. Снегопад скрыл кровь, я заменил ветровое стекло, потом — машину.

Со временем страх притупился. Я перестал просыпаться посреди ночи с бешено колотящимся сердцем, цепляясь за руль. Правосудие или кровь? Ну, вообще-то ни то ни другое. Предполагаемое убийство не повлекло за собой никаких последствий: я не сел в тюрьму, не попал в аварию, не поскользнулся и не разбил себе голову об унитаз. Если тот тип и выжил, то убрался куда подальше. Забрался в глушь, словно раненый зверь — в нору. Вряд ли он помнил о той ночи больше, чем я, верно?

Так я думал.

Последствия ждали меня в белом конверте два года спустя. Простые и понятные, точно удар Колодой по затылку или шипение газовой горелки.

Но обо всем по порядку.

Часть первая

Хорслейк

1

Сквозь щель в неплотно задернутых шторах пробивался тусклый свет. Я открыл глаза с ощущением, будто сам себя уложил спать ударом кувалды, а потом вторым ударом – вышиб из темноты обратно в кровать. Часы показывали 7:31.

Накинув халат, я потащился в ванную, наполнил стакан водой из-под крана, бросил в него таблетку и, чувствуя, как колючие брызги осыпают лицо, попытался вспомнить, что было вчера. Две вещи я делал неизменно: отмывал кисти и палитры после работы, а по утрам отвечал на электронные письма. Последнее воспоминание: рухнув поперек кровати, я пинком скидываю запрыгнувшего на нее Гилберта. Затем – ничего, черный экран, будто кто-то выдернул шнур из розетки.

– Отлично выглядишь, спящая красавица, – сказал я своему отражению.

Мои глаза были налиты кровью и смотрели без всякого интереса, волосы всклокочены, а пятна краски покрывали руки, грудь, даже резинку трусов.

В сумраке облачного утра дом казался стерильным и безрадостным. Пересекая холл, мимо ярких пятен абстракции «Без названия XXV» Виллема де Кунинга, я хрипло позвал: – Гилберт!

Большое блюдо на обеденном столе пустовало с октября, с тех пор как зеленые яблоки покрылись пятнами. Поблескивали огромная вытяжка и профессиональная плита с двойным духовым шкафом, которыми я ни разу не пользовался. Кухонные ящики выдвинуты, шкафчики открыты. Что я искал накануне? Может, пытался приготовить? Мое представление о готовке сводилось к «достать из морозилки и сунуть в микроволновку».

Я забрался на табурет возле мраморной столешницы вместе с галлоном апельсинового сока и, кажется, на некоторое время отключился.

* * *

Когда я пришел в себя, было по-прежнему тихо. Я жил в пригороде Шардона – небольшого городка на северо-востоке штата Огайо с населением в пять тысяч человек. Даже в шумные дни на Холлоу-драйв было спокойнее, чем в склепе. Но в этом молчании всегда присутствовал цокот собачьих когтей.

В гостиной на диване осталась вмятина; я коснулся ее – ледяная. Гилберт, американский бульдог по происхождению

и говнюк по призванию, становился настоящей бойцовой собакой, самоотверженной и исключительно сообразительной, лишь в двух случаях: когда я пытался согнать его с дивана или грозился отобрать Коржика², его любимую игрушку.

Коржик лежал тут же, таращась на меня пустыми глазами с разъехавшимися зрачками.

Выпрямившись, я вдруг подумал, что шум, который производил Гилберт, был самой естественной вещью на свете, словно тиканье часов или гудение кухонных приборов. И теперь, когда он прекратился, я почувствовал, как необъяснимый страх сдавливает живот.

Назвать пса Гилбертом было идеей Вивиан, я даже помнил в честь кого – нет, не портретиста Стюарта, а писателя Честертона, чей роман «Человек, который был Четвергом» она в тот момент читала. Почему бы и нет? По большому счету мне было все равно, назови Вивиан щенка хоть Антон Шандор ЛаВей.

Дом был слишком пустым, слишком молчаливым.

Тогда я распахнул стеклянную дверь и вышел на задний двор. Ночью прошел первый снег. Шезлонги и кусты можжевельника придавили белые шапки. Слева из снега торчали остатки цветника Вивиан: что-то высохло, что-то продержалось дольше и погибло от холодов, а что-то – от моей руки.

² Вымышленный персонаж в детском телешоу «Улица Сезам»; прожорливый монстр, покрытый синим лохматым мехом.

– Гилли!

Пес не выбежал мне навстречу, рыча и пытаясь повалить на землю.

Оглянувшись на дверь, ведущую в тепло, я запахнул халат из шелка и кашемира и спустился по ступеням в пухляк. Во мне шевельнулось узнавание, когда снег коснулся подошв ног. Без всякой на то причины мысль, что я найду пса, надо только пересечь сорок ярдов целинного снега, заставила мое сердце учащенно забиться.

Через двадцать ярдов я проехался пяткой по еще не успевшей промерзнуть куче. Она была замаскирована снегом, а значит, сделана засветло. Если бы Гилберт участвовал в соревновании Самая Большая Говешка, то стал бы призером. Я снова оглянулся и заметил теплый проблеск «Стога сена на закате» – одну из трех репродукций из знаменитой серии Моне, которые я держал. На самом деле изображенная на полотне конструкция была зернохранилищем из пшеничных колосьев с конической соломенной крышей, защищавшей зерно от дождя и грызунов.

Возюкая пяткой, я решил угостить Гилберта крепким пинком, как только найду.

Я почти добрался до деревьев, когда увидел кровь – всего несколько капель, но их хватило, чтобы мой желудок заледенел, будто туда всыпали ведерко колотого льда. Знаю, мне следовало вернуться за ружьем, но когда неизбежное рядом, хочется, чтобы оно стукнуло тебя как можно скорее. Не об-

ращая внимания на ветки, цепляющиеся за халат, я пер, как заводной, пока не нашел его.

Первые несколько мгновений я видел картину Джексона Поллока «Глубина», кровь превратилась в мазки желтого.

Гилберт заскулил и попытался отползти, таща за собой налипшие на него иголки.

Меня бросило в жар, ощущать что-то на горле стало невыносимо. Очертания деревьев то наплывали, делаясь четкими до рези, то размывались. Я стукнул себя кулаком по лицу и часто заморгал. Вокруг были следы: полные отпечатки подошв ботинок четырнадцатого размера, присыпанные снегом, но все равно безошибочно различимые. Они огибали Гилберта против часовой стрелки, тянулись мимо куста и терялись среди деревьев. На ветку куста брошено что-то вроде полотенца, набравшегося краски. Я отстраненно подумал, что с собой у него, вероятно, был арсенал средневекового инквизитора. Или рабочий комплект маньяка-убийцы. Впрочем, достаточно одного шкуроръемного ножа.

В висках стучало. Как и тогда, когда пухляк коснулся моих ног, при виде Гилберта во мне шевельнулось узнавание. Я вспомнил своего первого освежеванного оленя, четырнадцать лет назад. Это был крупный самец, я не стал подвешивать его, поскольку уже темнело, а я не хотел возиться с автомобильной лебедкой. Сделал все на куске брезента, закончил уже в свете фонаря. Олени созданы для боли. Другое

дело домашние питомцы. Я мог пнуть Гилберта, но я бы никогда...

— Гилли, все будет хорошо. Ты поправишься, вот увидишь.

Постепенно он затих. Я представил, как поднимаю его на руки и везу в ветклинику, причиняя ему еще бóльшие муки. Надо выбрать между страданием и избавлением.

Его зрачки были расширены от непроходящей боли; они все решили за меня.

Давай, Дэнни. Один хороший глоток, вернее, удар. Будешь послушным парнем или бунтарем? Учти, бунтари доживают до финала и им достаются все женщины.

Долго искать камень не пришлось. Я оборвал мучения Гилберта, после чего отвернулся, сделал два шага, и меня вывернуло.

Я вернулся в дом в распахнутом халате, шлепая босой ступней по каменному полу. Должно быть, где-то потерял правый тапок.

На журнальном столике в гостиной лежал белый конверт. Я тарасился на конверт. Был он там полчаса назад? А что бы сделали вы, узнай, что кто-то вторгся на вашу частную собственность, надругался над вашей собакой, ходил по вашему дому? И это не Санта-Клаус, Мария, Иосиф и рождественский ослик. Даже не ваш арт-агент.

Ярость была подобна вспышке. Я обрадовался ярости, моему давнему другу, и бросился за ружьем, которое хранил в заряженном виде и не под замком. Схватив ружье, я бегал по дому – в халате, трусах и в одном тапке, – переполненный решительности вышибить ублюдку мозги. Но вскоре начал задыхаться – отчасти из-за похмелья, но еще и потому, что был не в форме. Ярость уступила место страху, а страх – опустошению.

Я потащился обратно в гостиную и вскрыл конверт. Внутри была открытка, изображающая пса в красных оленьих рогах, который сидит в стеклянном шаре со снегом и желает всем счастливого Рождества.

Трясущимися руками я развернул открытку. Буквы заполняли страницу сверху донизу, не мельча, но и не превраща-

ясь в каракули. Почерк был аккуратным, как выложенные в ряд вальдшнепы, получившие частичный заряд дроби, «у» и «р» – их цепкие клювы. Кто бы это ни написал, он был методичен, но замкнут; из тех, кто тихо занимается своим делом и достигает в этом определенного мастерства.

«Дэниел, к тому моменту как ты будешь читать это, Гилберт должен быть уже мертв. Другой на твоём месте продлил бы его мучения. Но не ты. Ты видел его зрачки и отыщешь камень потяжелее. Как охотнику, тебе наверняка известна биологическая система хищник – жертва. Впрочем, неосторожный или потерявший бдительность охотник тоже может стать добычей. Приезжай по указанному адресу. Оставь машину на Главной улице, разбей палатку недалеко от особняка. Я найду тебя, когда все будет готово. Ах да, не советую обращаться в полицию или рассказывать кому-нибудь о письме. Иначе всем станет известно, что два года назад ты сбил человека и уехал с места аварии. Дэниел, я рассчитываю на твоё понимание».

Из конверта на стол выпали фотографии брата, матери и Вивиан.

* * *

Поднявшись в спальню, я достал из встроенного шкафа спортивную сумку и, помедлив, зарыл лицо в белый кашемировый свитер, пахнувший яблоками «Гренни Смит»...

В день, когда Вивиан собрала вещи, я обезумел. Нет, не от горя. Все, о чем я мог думать: «Эта сука оставила проклятого пса». Мы вместе поехали в питомник, вместе выбрали щенка, она придумала ему имя, я вытирал за ним лужи, выгребал за ним дерьмо. И в тот момент, когда она шла с дорожной сумкой к своей синей «Хонде», я осознал масштаб катастрофы.

– Мамочка с папочкой ссорятся, – прорычал я и хотел схватить Гилберта за ошейник, но он цапнул меня за руку.

Тогда я схватил металлическую миску и, рассыпая собачий корм по всей кухне, рыча «смотри на меня, сука, когда я с тобой разговариваю», выскочил на улицу. Сделал несколько шагов, замахнулся – и свалился в куст гортензии.

Вивиан вернулась и сказала, что знает, что я все еще люблю ее, просто мне не хватает сил вытащить свою лучшую часть. Дэн, позвони, когда протрезвеешь.

Удивительно, что я запомнил ее слова – и ничего из того, что предшествовало им.

Той ночью были первые заморозки, и я пролежал бы в кустах до утра, однако Гилберт соизволил покинуть диван и полаивал у распахнутой двери. В круге света от фонаря моросил дождь. Капли крови размером с десятицентовик вели по ступеням в холл. Подхватив миску, я заполз обратно в дом, оставляя за собой отпечатки пятки – порез снова открылся.

В холле я остановился. Размашистые следы, состоящие из неполного отпечатка правой ступни двенадцатого разме-

ра, взлетали по лестнице на второй этаж, потом – обратно в холл, сворачивали на кухню, откуда устремлялись прямым на улицу. Их сопровождали редкие капли – раздавленные ягоды рябины, как раз созревшие в сентябре. Я осмотрел себя: откуда капли?

В гостиной кровь была повсюду: там, где я мазнул рукой белую стену, брызги на журнальном столике и на «Стоге сена» («Стога сена» и «Сток сена на закате» не пострадали). Но больше всего ее было возле небесно-голубых осколков бутылки.

Слишком много, онемев, думал я. Слишком много для одного, пусть и глубокого пореза.

Водка, смешавшись с кровью, смахивала на клюквенный сок.

Что, если... Вивиан... Господи, что я натворил?

Когда я собирал осколки полотенцем, то заметил порез на безымянном пальце; обручальное кольцо потемнело под высохшей коркой. Вот откуда капли.

Я снова стал ждать, что на Холлоу-драйв нагрянет полиция. Рваные вспышки проблесковых маячков, громкие голоса, отдающие приказы, стук ботинок, нержавеющей сталь часов сменит браслет наручников.

Но этого не произошло, жизнь вернулась на орбиту похмелья и завращалась вокруг него подобно колесику с магазинной тележки – медленно, со скрипом. Потеря Вивиан заставила меня работать на пределе возможностей, а также

со всей страстью отдаваться бутылке. Я отметил свое тридцатипятилетие. Вокруг были люди, но именно так одиночество ощущается острее. Говорят, одиночество необходимо для того, чтобы понять, кто ты есть. Ерунда. Я это понял еще давно.

Разве мог я после такого позвонить Вивиан? Смотреть ей в глаза? Сколько боли ты можешь причинить женщине, которую любишь?

* * *

Бросая в сумку трусы и носки, я вдруг кое-что вспомнил. Это произошло недели две назад. В тот вечер, по обыкновению быстро накатив после утомительного дня, я рухнул в кресло, голый по пояс, в засохшей краске. Каждый алкоголик знает, что из всего разнообразия пьяниц худшими являются те, кто напивается в одиночку. Гилберт с безразличием уставился на меня, не отрывая морды от Коржика.

– Скучаешь по ней? – спросил я.

Во взгляд Гилберта просочилось презрение. С тех пор как мы остались вдвоем, Гилберт решил, что превосходство на его стороне – как физическое, так и интеллектуальное. Он обожал Вивиан, позволял ей тискать себя, не сопротивлялся, когда она чистила ему глаза и уши. Полагаю, он раскусил меня с самого начала и с тех пор задался целью отгрызть мне пальцы.

Проснувшись посреди ночи в том же кресле, я тут же заблевал безворсовый ковер, снова ощутив вкус выпитого накануне. Переполненный мочевой пузырь толкал меня на улицу. Выбравшись на газон, я направил струю между шезлонгами.

На убывающую луну, напоминавшую изогнутое лезвие садового ножа, то и дело наплывали облака. Ветер задевал верхушки деревьев. Из рта шел пар. Краем глаза я заметил движение и, подняв голову, увидел высокий бесформенный силуэт.

Сперва только по движению тени можно было уследить за ним. Потом человек вышел из-за деревьев и остановился на границе леса и лужайки. Он не был похож на птицу, готовую упорхнуть обратно в темноту. Скорее, на волка. Хотя он напугал меня, в тот момент я убедил себя, что это просто энтузиаст, который пришел посмотреть, как Митчелл держит свой самый большой рабочий инструмент.

* * *

Я ответил на все электронные письма, требовавшие моего внимания. Джерри Флемингу, моему арт-агенту, я написал, что какое-то время меня не будет на связи. «Какое-то время» звучит лучше, чем все остальное.

Затем вбил в поисковике «Хорслейк, Верхний Мичиган». Так-так, захолустье, потерявшее статус муниципально-

го образования еще в 1987 году. Одна-единственная улица, несколько строений и густой северный лес. Население – ноль человек. Мечта путешественника. Или психа? Меня ждала поездка длиной в пятьсот пятьдесят миль на север Мичигана.

Натянув джинсы и футболку, я взял с прикроватного столика фотографию в рамке – мы с Вивиан на фоне замерзшего озера Джефферсон, что в Колорадо, четыре года назад. Острровершие ели, заснеженные вершины, стерильное небо. Вивиан подражает ниндзя (в тени ее глаза и волосы кажутся темными), а я замер в позе копьеметателя, со спущенными до колен брюками, в черных боксерах.

Я сел на кровать и закрыл лицо руками. Неужели я действительно собирался оставить все? А осталось ли у меня хоть что-то после ухода жены?

* * *

Сквозь щель в шторах, которые не раздвигались даже днем, в студию проникал блеклый, безжизненный свет. Под студию я объединил две комнаты на втором этаже, в одной из которых у прежних хозяев была детская. Лично снес кувалдой стену – розовую, в бабочках и единорогах.

Повсюду были картины, подрамники, рулоны холстов, холсты, уже натянутые на подрамники, кисти, краски, бумажные полотенца, светильники с антибликовыми плафона-

ми. У двери – антикварная кушетка, у северной стены – музыкальный центр, окруженный башнями дисков. В сентябре одна всемирно известная треш-метал-группа выпустила альбом, на обложке которого был коллаж из двух моих картин. В конце августа я даже снялся в их клипе на заглавную песню альбома, где с маниакальной сосредоточенностью предавался чрезмерному насилию.

Если бы я мог, то вообще не покидал бы студию: спал на кушетке по четыре часа, врубал музыку, питался консервами, не принимал душ. Первое время так и было, потом я потерял эту способность. Иначе и быть не могло. Даже дерево рано или поздно прогорает, оставляя после себя тлеющие угли, почти не дающие жара.

Я остановился возле мольберта. Краска подсохла, и картина, все еще без названия, открылась мне, как женщина открывается мужчине.

Все пространство занимали небо и заснеженный ельник. В левом верхнем углу в разрыве туч сияет луна – холоднее металла на морозе. Мужчина изображен со спины. Он худ, почти истощен, одежда на нем висит, темные волосы лежат на плечах. Жилистая кисть, бледные пальцы, кровь под ногтями и на алюминиевом корпусе фонаря в его руке. Вместе со странником я смотрел на старую бревенчатую хижину.

Мне потребовалось полгода, чтобы передать незримое. А именно: человек только что преодолел большое расстояние и достиг пункта назначения, который одновременно вселяет

в него ужас и притягивает. Он знает, что не доживет до утра, и это придает ему решимости войти в хижину. Я смотрел на мертвеца, и мы оба — я и он — знали это. Или же думали, будто что-то знаем.

Люди в моих работах всегда обращены спиной к зрителю. Лица я писал несколько раз. Вернее, дважды. Первый раз сжег все на заднем дворе: облил уайт-спиритом и смотрел, как в огне распадаются месяцы работы. Второй раз — не глянул на картину с тех пор, как поставил подпись Mitchell в правом нижнем углу.

В Википедии говорится, что разгадка моих работ кроется в моем детстве. Разгадка! Какая разгадка? Хотел бы я взглянуть на того, кто рос без страха и вырос без рубцов.

Закончу ли я эту картину? Вернусь ли когда-нибудь к работе?

Меня захлестнуло странное спокойствие, граничащее с онемением. Я погасил свет, закрыл дверь и спустился в холл, когда осознал, что забыл о Гилберте.

Я выбрал место между двумя лиственницами. Земля под снегом была усыпана рыжими иголками и еще не успела промерзнуть. Мне не пришлось выдалбливать яму, стирая лопатой руки в кровь, поэтому я сделал ее достаточно глубокой, чтобы до Гилберта не добрались дикие звери. Завернул его в плед, рядом положил Коржика и предмет, который снял с куста, уже превратившийся в подобие чрезмерно накрахмаленного полотенца, жесткого и негнущегося. Камень я за-

швырнул в лес.

Встав на краю могилы, я хотел сказать что-нибудь подобающее случаю, но в голову ничего не шло. Из-за туч показалось солнце, заполнив лес ослепительным сиянием. Забрасывая яму землей, я думал о том, что чертов пес мертв и мне будет его не хватать.

Когда я вышел на лужайку перед своим домом, на подъездной дорожке как раз остановился черный «Кадиллак Эк-салейд». Открылась дверца, Уильям Утвиллер, мой сосед и лучший друг, выбрался из автомобиля и, завидев меня, завопил как телевизионный проповедник:

– Дэнни, мой мальчик! Ну что, прорвался на ту сторону?

Это было наше приветствие, но сегодня я на него не ответил. Я смотрел на колеи, проложенные «Кадилаком», на следы, начинающиеся там, где Вилли спрыгнул в снег, – и все. Как автору послания удалось проникнуть в дом, не оставив отпечатков ни на подъездной дорожке, ни на лужайке? Я не сомневался, что если обойду дом, то найду как. Конечно, если только он не прилетел с восточным ветром, держась за зонт или ниточку воздушного шара.

Тут из машины вырвались двойняшки и окружили меня. В сентябре им исполнилось по пять.

– Неужели все из-за того, что однажды я покормил их?

– Одной кормежки достаточно, – заверил Уильям с мрачным видом, но я готов был спорить, что за зелеными линзами его вайфареров уже запрыгали чертики. – Я тоже совершил эту ошибку.

Бросив лопату, я подхватил Вайолет на руки. Под курточкой на ней была розовая пижамная кофта с изображением

не то зайца, не то дикого кролика. Наверное, все же кролика – его уши были коротковаты.

– Просто мы любопытные. – Девочка смахнула светлые пряди со лба – сначала со своего, потом с моего. – Как мускусные утята.

– А мускусные утята любопытные?

– Ужасно любопытные! Они также ужасно умные.

– Крайне, чрезвычайно, в высшей степени, – подсказал Утвиллер.

Вайолет дернула меня за бороду.

– И ужасно, крайне, чрезвычайно любят нырять. Дядя Дэн, у нас с тобой одинаковый цвет волосиков.

Темноволосый Уильям опустил подбородок и пристально посмотрел на меня поверх очков:

– Дядя Дэн, что это у тебя? Ты строил замки из снега?

Я вымученно улыбнулся, забирая лопату у Вилли-младшего.

Мы поднялись по ступеням.

– Чем обязан визиту?

– Вообще-то я собирался сплавить двойняшек бабушке и дедушке, но они устроили бунт и наотрез отказались сотрудничать, пока не увидят дядю Дэна.

– Как София?

– Вся в работе.

– Вам следует взять отпуск и умотать куда-то вдвоем. – Я проводил взглядом погнавшуюся за братом Вайолет и сунул

лопату под банкетку; я знал, что Уильям заметил и сумку, и лопату.

– Разве что нас похитит какой-нибудь психопат, сунет в багажник и провезет через всю страну в уединенное бунгало в безлюдном живописном месте. Период перед Рождеством всегда самый трудный.

– Утвиллер, ты сам – классический психопат, которого нелишне сдать в лечебницу и накачать антипсихотиком. Твое счастье, что ты неплохо маскируешься.

Уильям никогда не занимался низкоквалифицированным трудом, не работал билетером в кинотеатре, уборщиком в больнице, официантом. Он окончил престижный колледж на Восточном побережье, где достиг определенных успехов в академической гребле. У него ирландские и немецкие корни, его предки владели огромными территориями в каком-то там графстве в Ирландии, а его прадед был частным коллекционером, в чьей коллекции, которая недавно перешла к отцу Уильяма, Коннору Утвиллеру-младшему, осели работы Пикассо, Эдуарда Мане, ван Гога. Когда я узнал об этом, то чуть не упал. Мы любили шутить, что я – просто еще одна сучка в его коллекции.

Дети унеслись в гостиную. Вилли снял очки.

– Что ты делал в лесу с лопатой? И зачем тебе сумка?

– Мне необходимо взять паузу. Возможно, я ненадолго уеду.

– А Гилберт?

– Я отвез его к матери. – Вздохнув, я поскреб щеку. – До последнего не был уверен, что решусь на эту авантюру.

Друг открыл рот что-то сказать, когда из гостиной выскочил Вилли-младший, размахивая открыткой. Я похолодел до самых ботинок. Хоть ружье додумался спрятать.

– Вайолет, смотри, что у меня есть! Открытка с Гилли!

Мы с Утвиллером переглянулись – и я погнался за его сыном.

– Дай сюда долбаную открытку, – прошипел я, – пока я не перегнул тебя через колено и не отшлепал на глазах у твоего папаша.

– Дядя Дэн сказал плохое слово! Дядя Дэн назвал открытку долбаной!

– Митчелл, мать твою так-растак! Не выражайся при детях!

Вайолет закрыла рот руками и захихикала. Я схватил конверт и сунул его в сумку.

– Это не отменяет моего первого вопроса: что ты делал в лесу с лопатой? Закапывал сундук мертвеца?

– Я хочу кушать!

Уильям уставился сначала на дочь, потом на меня – с безысходностью во взгляде, известной всем молодым отцам. Ему было тридцать два, выходит, он узнал, что станет отцом двойни, в двадцать шесть. Меня, двадцатилетнего, такая новость подкосила бы. Вот и Уильяма она подкосила.

– В холодильнике есть пеперони. – Я похлопал Вилли

по плечу. И, опережая его возражения, добавил: – Запретив своим отпрыскам съесть пиццу, ты не вернешь себе свои причиндалы. Они в сейфе, а ключ от сейфа у Софии, помнишь?

Моя забота была вознаграждена ледяной улыбкой.

* * *

В раковине лежал нож для рыбы – особой формы, с рукоятью, защищавшей руку от скольжения. На столешнице – галлон сока уже комнатной температуры. Завязав волосы в хвост, я закрыл навесные шкафы, задвинул ящики и, спрятав нож, вымыл руки с мылом.

Утвиллер забрался на табурет, на котором два часа назад, борясь с похмельем, сидел я.

– На вопрос ответишь?

Я сунул пиццу в микроволновку, а коробку затолкал в мусорное ведро. Помимо коробки, там была бутылка из-под виски, что-то синее, свернувшееся кольцами, и слипшийся, некогда серый ком, как мои...

– Вы только посмотрите! – Я вздрогнул, но Вилли продолжал как ни в чем не бывало: – Митчелл не реагирует на внешние раздражители. С тех пор как вышел из леса, смотрит темным равнодушным взглядом. Вероятно, внешние раздражители недостаточно весомые. Может, мне следует отыскать твой сундук мертвеца?

Я затынул мусорный пакет, прежде чем успел рассмотреть что-либо еще.

– Дэн?

– Все в порядке.

– Ну, я так не думаю. Ты позеленел.

– Кажется, я был не готов к запаху еды.

Уильям подался вперед, придирчиво изучая мою физиологию.

– У тебя отрешенный вид и остекленевшие глаза. Много ты вчера выпил?

По мнению Утвиллера, я был одним из самых счастливых парней на планете. Но, само собой, я им не был. Проблема с алкоголем заключается в том, что однажды ты просыпаешься и понимаешь, что он нужен тебе не только скоротать вечерок, а просто чтобы почувствовать себя нормальным. Сначала мысль о стакане привлекает тебя в бар, потом заставляет выбираться из постели, а уж затем выпивон хватается тебя за шкуру, швыряет на пол и тащит за собой, словно добычу. Дважды я подходил к черте, дважды мне удавалось откатывать. Последние два месяца я снова уверенно полз протеренной дорожкой. Вопрос пары недель, когда первым делом утром я буду тянуться не к шипучим таблеткам, а к бутылке. А без Вивиан я не был уверен, что, достигнув этой точки, захочу откатывать в третий раз. Для кого? Для себя? Себя я не так чтобы любил. По правде говоря, я себя ненавидел. Делать что-то для себя всегда было своеобразной формой ма-

зохизма: что бы я ни делал, это было разрушительным, самоубийственным.

– Я решил завязать, – сказал я неожиданно для самого себя.

– Когда?

– Сегодня утром. Только что.

Это была чистая правда. С другой стороны, я не брался утверждать, насколько она жизнеспособна. Вилли продолжал смотреть на меня с легким беспокойством, когда звякнула микроволновка.

Детей мы нашли у двойных дверей с ручками в виде оскаленных демонических морд.

– Я хочу посмотреть, что там внутри! – разнылся Вилли-младший. – Когда я смогу посмотреть, что там внутри?

– Они видели «Семейку Аддамс», – заметил я, поднимая брови. – Полагаю, фильмы студии «Хаммер»³ приведут их в восторг. – Утвиллер метнул на меня свирепый взгляд, и я догадался, о чем он думает: о том, как впервые попал в комнату за двойными дверями. – Ладно, ладно. Но так и знай: есть вещи похуже ужастиков.

Лицо Уильяма приняло иступленное выражение, он зашатался подобно монстру Франкенштейна.

– И все они ходят на двух ногах, выглядят как мы с тобой, но их глаза холодны, как лед, а в сердце у них сажа. А теперь

³ «Хаммер» – киностудия, основанная в 1934 году в Великобритании, известна производством фильмов ужасов.

все живо на кухню, иначе я озверею и кого-нибудь проглочу!

Я переглянулся с малышкой:

– Робин Бобин Барабек скушал сорок человек, и корову, и быка, и кривого мясника...⁴

Холл наполнил детский смех.

* * *

Получасом позже, бросив пакет в мусорный бак, я остановился у входной двери. Сквозь голые ветки кленов и осин виднелась Холлоу-драйв. Соцветия гортензии, присыпанные снегом, напоминали покинутые гнезда шершней. Я прожил здесь шесть лет.

– А как же твоя работа?

Пристегнув двойняшек на заднем сиденье «Кадилака», Утвиллер приблизился ко мне.

– Мне платят не за то, чтобы я торчал в офисе с девяти до пяти. Более того, люди готовы платить мне еще при моей жизни. – Я поставил сумку в багажник. – Между прочим, все тридцать пять лет жизни Модильяни прошли в исключительной нищете. Он был так беден, что часто писал и на обратной стороне холста. А умер от туберкулезного менингита в больнице для бездомных. Как только гроб с его телом был предан земле, арт-дилеры и воротилы принялись скупать его

⁴ Английская песенка. Перевод К. Чуковского.

работы за тысячи франков.

Открыв дверцу, я забрался за руль. Одной рукой Уильям оперся о крышу, другой – о дверцу, заглядывая в салон.

У Вилли был класс, а у меня – поразительная готовность к насилию. Однажды мы возвращались с двойного свидания – я, Вивиан, Уильям и София. И какой-то парень на парковке начал спорить с ним из-за парковочного места. В итоге тот тип ударил его, а Утвиллер просто стоял там, с кровью, бегущей по губам, и с таким видом, будто решал сложное математическое уравнение. Я позаботился о том, чтобы это не повторилось, и под воинственные крики Софии уложил ублюдка мордой в асфальт. Вот такой была разница между мной и спокойным, бесконфликтным Уильямом. Кстати, за время нашей дружбы мы ни разу не сцепились.

Три года назад я заготовил конверт на случай, если склею ласты, который хранил в верхнем ящике бельевого комода, подписанный: «Вручить Уильяму Коннору Утвиллеру».

– Вивиан звонила, – заметил друг. Из-за низких туч вновь выглянуло солнце, и линзы его вайфареров позеленели. – Они болтали с Софией больше часа.

Я молча кивнул. Утвиллер был в курсе, что на данный момент мы с Вивиан не живем вместе. Расстались, разбежались, подали на развод – этих слов не было... еще. Он не знал, что случилось двадцатого сентября. А иначе осмелился бы я попросить его рассказать мне?

– Набери меня, когда остановишься на ночь в какой-ни-

будь вшивой дыре. — Вилли похлопал меня по щеке. — Буду ждать твоего звонка в шелковой пижаме и с томиком Пруста.

Он стоял на подъездной дорожке моего дома и смотрел мне вслед.

Мысли вихрем проносились в голове. Одни, громкие и ясные, призывали сделать все, чтобы мои близкие не пострадали. Другие — голоса из темноты — требовали любой ценой сохранить в секрете поступок двухлетней давности. Я говорил себе, что делаю это ради Вивиан, брата, матери, но голоса из темноты утверждали, что я делаю это ради себя. Хотя моя поездка была единственным способом спасти нас всех.

Именно в тот момент, свернув с Холлоу-драйв на Уилсон-Милс-роуд, я осознал, что еще два года назад сделал первый шаг по дороге, вернуться обратно по которой невозможно.

В час пополудни, покинув пределы штата, я остановился пообедать. Среди грузовиков и седанов, выстроившихся перед кафе, мой «Порше Кайен» с полностью черной отделкой экстерьера казался чужаком.

Какой-то старик за соседним столиком заунывно пересказывал другому старику самый нелепый эпизод очередного сериала. Это окончательно превратило мой обед в скучнейшие похороны бургера, картошки и тухлявого салата.

* * *

Успело стемнеть, когда я въехал на Макинак – мост длиною в пять миль через пролив Макино, в котором соединялись два пресноводных озера из цепи Великих озер – Мичиган и Гурон. По мою правую руку мерцал Макино-Айленд. Я опустил стекло, и в салон ворвался холодный ветер. До постройки моста здесь была паромная переправа, а еще раньше часть Мичигана оказывалась отрезана от мира в зимнее время.

Перед пунктом взимания платы за проезд по мосту образовалась очередь из семи автомобилей. Головная боль, с обеда набравшая обороты, теперь ощущалась резким покалыванием на корне языка, будто металлические контакты бата-

рейки. Я не мог залить боль, не мог сосредоточиться. Сто миль до Парадайса. Полтора часа за рулем. Исключено. Мне нужен был восьмичасовой сон.

Я заехал на парковку первой попавшейся на пути гостиницы Сент-Игнаса. Немая пустота коридора поглощала звук моих шагов, а где-то там, впереди, сияла алая надпись «ВЫХОД».

* * *

Над кроватями висело по абстракции, которые я счел умеренно оскорбительными. Не хватало какой-нибудь работы Томаса Икинса, скажем, его «Шахматистов», чей реализм заставил бы меня сомневаться в реальности стеганого покрывала и штор с цветочным орнаментом.

На ходу срывая защитную мембрану и забрасывая в рот сразу две таблетки аспирина, я прошел в ванную комнату, смыл их водой из-под крана и умылся. Затем пустыми глазами уставился в далекое ничто. Меня не покидало ощущение, что еще чуть-чуть – и я проснусь дома, на часах снова 7:31, а Гилберт посапывает у меня в ногах. И все это окажется просто дурным сновидением, дикой, бессмысленной, жестокой чепухой.

Приняв душ, я встал перед зеркалом. Волосы отяжелели от воды; высохнув, они пойдут волнами, словно рожь под порывами ветра в солнечный августовский полдень. Рослое, широкоплечее отражение равнодушно уставилось на меня в ответ сквозь пар, заволокший зеркало.

Мне исполнилось тридцать пять, я пережил своего отца уже на два года. Хотя я не держал в доме ни одной его фотографии (думаю, Зак тоже, а вот у матери наверняка где-нибудь остался семейный альбом, в котором есть снимки отца, пусть она никогда не предложит полистать его, а я не попрошу об этом), мне не нужны были фотографии, чтобы помнить его лицо – достаточно посмотреться в зеркало. Только отец не носил бороды и коротко стриг волосы. Я начал отращивать волосы еще в средней школе, а бороду – в колледже и с тех пор ничего не менял. Впрочем, сходство все равно было поразительным.

Кто это? Это ты, Дэнни? Это Джозеф?

Я провел ладонью по зеркалу, встречая свой взгляд – то ли серый, то ли зеленый, то ли голубой. Иногда это был оттенок хлорированной воды в бассейне, иногда – мокрой серой плитки, иногда – Джозефа Хантера Митчелла.

Говорят, глаза – зеркало души.

Я опустил взгляд на свои руки.

Но руки – руки могут рассказать о человеке все.

Именно в тот момент, вглядываясь в свое отражение, вновь затягиваемое паром, комариный писк начал расти, и я разобрал в нем слова: «Никогда не стесняйся своих шрамов, Дэн. Они рассказывают другим людям о важных событиях, которые произошли в твоей жизни».

Взяв швейцарский нож, я вытащил ножницы и подровнял бороду, в последние месяцы превратившуюся в грачиное гнездо. Теперь рубец на шее стал заметен. Второй рубец, напоминавший туго скрученное белое полотенце, протянулся ниже правого бедра, над коленом. Я раздумывал набрать Вилли, но в итоге отказался от этой затеи: время близилось к полуночи, я был без трусов и собирался позвонить другому мужчине.

На вешалке в прихожей висел халат, однако лишь чудо, Господь Бог и крепкий алкоголь, объединив силы, смогли бы заставить меня надеть его. Я не располагал ни тем, ни другим, ни...

Подняв с пола трусы, я подошел к мини-бару. Пиво, содовая, маленькие бутылочки водки, виски, вермута. На задворках сознания, становясь все навязчивее, билась мысль – НАДО НАГРУЗИТЬСЯ. Все остальное – временное препятствие. НАДО НАГРУЗИТЬСЯ. Стать лучше, сильнее, прямо сейчас. Подумать обо всем завтра.

Я взял водку. Казалось, она улыбается мне. Я вижу тебя, Дэнни. Я вижу тебя, друг. Давай, я буду трахать тебя до по-

тери пульса, тебе лишь надо скрутить крышку и сделать глоток.

Я сунул водку обратно.

Насколько меня хватит?

Я достал из сумки «Глок-19» и коробку патронов. За счет укороченного ствола исходного «Глока-17» он казался слишком маленьким, чтобы доверить ему свою жизнь. Ничего страшного, я вверял свою жизнь и гораздо меньшему.

Сев на кровать и включив прикроватное бра, я извлек магазин из рукоятки. Сопротивление пружины возрастало по мере уменьшения количества патронов в руке, в то время как сопротивление другой – той, что внутри меня, – ослабевало. Впервые за весь день я отпустил те свои мысли, которые возникли еще при чтении письма, и теперь они обступили меня безмолвными надзирателями. Я не мог допустить, чтобы кому-то стало известно о моем проступке. Проступок – так ты это называешь? Проступок, недоразумение. Он оступил-ся всего раз, а потом было поздно. Плевать. Хорслейк находится в глуши. Я убью его и закопаю там же.

Вогнав магазин обратно в рукоятку, я положил пистолет на прикроватный столик, сорвал с кровати покрывало и забрался под одеяло.

Я вспоминал свою последнюю поездку в Нью-Йорк в конце октября. Уладив все дела, мы с Джерри отправились ужинать в мой любимый ресторан.

Джеральд Флеминг из «Синнерс Арт» был моим агентом уже двенадцать лет. Когда я впервые увидел его, он не про-

извел на меня огромного впечатления, но он оказался настоящим бойцовским псом от современного искусства. Джерри первым заинтересовался моими работами. Я жил своей жизнью – и вдруг обо мне заговорили. На первой выставке, в которой меня пригласили принять участие, мне выделили отдельный зал. Через полгода, когда мне исполнилось двадцать три, один известный галерист устроил мне персональную выставку в своей галерее в Сохо. В первый же вечер были распроданы все мои картины. А я бродил из зала в зал, недоумевая: «Какого черта? Когда это произошло?» К 2010-му выставки моих работ прошли в галереях Нью-Йорка, Вены, Парижа, Берлина, Мюнхена, Гамбурга, Москвы, Милана, Лос-Анджелеса, Женевы, Будапешта.

Я заказал севиче из гребешка и пасту с морепродуктами. Джерри погрузил нож в кусок сырого мяса, который почему-то назывался стейком.

– Где Вивиан? – спросил он.

– Ты же знаешь, она терпеть не может летать.

Джеральд отложил столовые приборы, перевел взгляд на кого-то поверх моей головы и постучал пальцем по сапфировому стеклу над синим циферблатом Oyster Perpetual.

– Хорошо, Дэниел, как скажешь.

Повернувшись на стуле, я с отвисшей челюстью наблюдал, как официант несет торт, меня окружают люди, а музыканты начинают исполнять «С днем рождения» в джазовой манере, в то время как невозможность немедленно покинуть ситуа-

цию кипятком разливается внутри меня. В итоге я отлучился в уборную и долго держал пальцы под ледяным потоком.

– Считай меня старомодным, но я настоял, чтобы свечей было тридцать пять. Знаешь, есть у меня ощущение, что этот год изменит все.

Флеминг был одним из самых безупречных и профессиональных людей, с которыми я когда-либо имел дело, но это не отменяло того факта, что мне хотелось дать ему в морду.

– Я не отмечаю дни рождения.

Он отпил из бокала и посмотрел на меня. В его глазах что-то неуловимо отсвечивало – струящееся пламя трех десятков свечей на фоне огромного полотна в духе Айвазовского или Тернера, с судном посреди шторма.

– Ты можешь ненавидеть игру, но не игроков.

Держась в тени, я задул свечи, напомнившие мне погребальный костер...

Сонное дыхание системы отопления подействовало ударом в основание черепа, и я отрубился.

* * *

По стеклу ползли капли дождя, мост и Макино-Айленд скрыл туман. Девять утра. Я почистил зубы и оделся: брюки карго, футболка, толстовка, ботинки из нубука. Взял пистолет и некоторое время стоял с ним в тишине номера, чувствуя тяжесть металла в руке.

До десяти в гостинице был бесплатный завтрак. Залив в себя двойную порцию кофе, я бросил спортивную сумку на заднее сиденье и выдвинулся в путь. В груди уже нарастало знакомое напряжение. Как правило, оно не оставляло меня, пока я не склонялся с ножом над добычей.

В начале второго, когда солнце перевалило зенит и продолжило свой путь в западной половине неба – поздний бледный призрак за тучами, – я вырубил музыку и вышел из машины. После мощных барабанных канонад и точных, будто удары ножом, гитарных соло от тишины Парадайса звенело в ушах.

Парадайс был частью поселка Уайтфиш, округ Чиппева. Люди приезжали сюда поохотиться и порыбачить, зимой – покататься на лыжах и снегоходах. Севернее был мыс Уайтфиш, а дальше, куда хватало глаз, несло свои воды озеро Верхнее – самое крупное и глубокое в системе Великих озер. Я всегда ценил уединение, но жизнь в подобном месте выходила далеко за рамки уединения, приближаясь к затворничеству.

Осматриваясь, я завязал волосы в хвост. Воздух напоминал свинцовое русло реки, я делал глубокие вдохи, пока не почувствовал острые грани, полосующие легкие. Застегнул куртку и направился к ближайшей закусочной.

Над моим столиком нависало чучело гольца-кривоме-ра. Какой-то чудила посчитал, что гигантский голец замечательно впишется в интерьер забегаловки, – и не ошибся. Эта хрень как будто не в озере плавала, а из леса выбежала. Интересно, сколько он весил, когда его вытащили из холодной

озерной воды, насыщенной кислородом? Готов спорить, не меньше шестидесяти пяти фунтов.

Однажды я принес с рыбалки двух красных снепперов. В том, как Вивиан чистила и потрошила их, было что-то... порочное. То, что я понимал очень хорошо. То, что понимали все, кто хоть однажды был испачкан кровью своей добычи и радовался этому факту. Ее руки были в крови и пахли рыбными внутренностями, но я готов был взять ее прямо там, возле раковины.

За соседним столиком расположилась семья из четырех человек. Девочка лет восьми доедала картофель фри, мальчик предподросткового возраста уткнулся в телефон. У мужчины был такой вид, будто его все задолбало до смерти. А женщина, не замолкая, трещала о каком-то колоколе. Уже через пять минут мне хотелось задушить ее голыми руками. Я переглянулся с мужчиной. Ему была нужна выпивка, а не семейная поездка.

– Послушайте, – накидывая парку, женщина подошла к моему столику, – вы не тот парень из фильма?

Я поднял голову, не без неприязни отметив, что ее лосины худшего из возможных цветов – персикового. Вероятно, она полагала, что персиковый идет блондинкам.

– Из какого фильма?

Она начала щелкать пальцами у меня над ухом; у нее были длинные красные ногти.

– Как его... «Грань Будущего».

– Я не Том Круз.

– Еще бы! – рывкнула она. – Но был там один тип, похожий на вас... – Каждый щелчок болью отдавался в голове. – Тогда, может, из какого-нибудь журнала?

– Уверяю вас, вы меня с кем-то путаете.

– И все же у вас определенно знакомое лицо... Вы видели колокол Эдмунда Фицджеральда?

Смена темы была подобна удару электрогитары по голове. Я уставился на нее почти что с упреком, проглотив все колкости.

– Нет, не видел.

Пришел ее черед недоверчиво таращиться на меня.

– Вы не были в Музее кораблекрушений? Послушайте, – владелица рубинового маникюра оперлась о столешницу, отодвигая мою тарелку с недоеденным бургером, – вам обязательно следует его посетить. Тринадцать долларов – взрослый билет, сорок – для всей семьи. Но оно стоит каждого потраченного цента. Джина и Джеймс были в восторге!

Джина и Джеймс... Вместо того чтобы не обращать внимания, я позволил этим словам прожечь дыру в своей душе – еще одну.

– В музее полно огромных ламп, вытащенных из маяков...

– Линз Френеля.

– И, конечно, сам маяк. Подняться на него можно за отдельную плату: четыре бакса – и вы там. На Великих озерах

миллион маяков. Мы едем в Мунизинг, так там...

Я не выдержал. Момент этого я четко услышал в своей голове; он звучал подобно ржавому ключу, который затолкали в заржавевший замок и попытались провернуть. Я посмотрел на женщину, улыбаясь. У меня было несколько улыбок, и эта была не из приятных.

– Вы заинтриговали меня постоянным упоминанием колокола. Умираю от желания узнать о нем больше.

Мгновение женщина еще хмурилась, потом вздохнула и убрала руку со столешницы.

– Ах, на самом деле это трагическое событие. В ноябре 1975 года в озере Верхнее во время шторма затонуло грузовое судно «Эдмунд Фицджеральд», все двадцать девять членов экипажа погибли. Тела так и не были найдены. Однако в 95-м со дна был поднят корабельный колокол. Говорят, – она заговорщически подалась вперед, – озеро не отдает своих мертвецов... Разве вы не слышали песню Гордона Лайтфута?⁵

Когда она оставила меня в покое, я уставился в свою тарелку. Озеро не отдает своих мертвецов. Но, может, не все мертвецы хотят покидать темноту. Некоторые совсем не хотят покидать ее – самые мертвые из них.

⁵ Гордон Лайтфут – канадский автор-исполнитель; имеется в виду песня «The Wreck of The Edmund Fitzgerald», написанная, исполненная и записанная им в декабре 1975 года.

Магазин туристического снаряжения представлял собой одноэтажную бревенчатую постройку с двускатной крышей. Сразу за магазином начинался лес. Я прошел мимо звездно-полосатого кресла-качалки, двух неоновых вывесок («ЖИВАЯ НАЖИВКА» и «ОТКРЫТО») и толкнул дверь. В тот же миг на меня уставились бездушные рыбы глаза. Чего здесь только не было! Помимо рыбацких трофеев, стены усеивали трофеи охотничьи: олени и лосиные головы, даже чучела уток.

За прилавком сидел старик, щипал усы и читал книгу в мягкой обложке. Когда звякнула дверь, он не без труда поднялся на ноги, громко щелкнув коленями. Шерстяная рубашка натянулась в районе живота. Согласно именному бейджу, его звали Майк.

У меня не было палатки – она осталась в моем гараже вместе со спальником, походной плитой, топором и черным «Феррари Италия-458». Я был патлатым, но не хиппи, и совершенно точно не собирался ночевать под открытым небом, распевая какую-то хрень у костра.

Десять минут спустя, взяв все, что может мне пригодиться, я положил на прилавок кредитную карточку. Майк чиркнул кредиткой и вернул ее мне.

– Не могу не поинтересоваться. – Его выговор напоминал

смесь канадского и ирландского, но в действительности это был юперский диалект. – Откуда вы?

– Из Огайо.

– Планируете посетить Музей кораблекрушений?

– Нет, сэр.

– Значит, водопады?

– Нет, сэр.

– Как насчет сауны?

– Сана? Сона? – Слово никак не хотело звучать в моем исполнении. Должно быть, одно из местных словечек, которые вводят приезжих в ступор. – Это что-то вроде спа?

Открыто смеяться мне в лицо старик не стал, но объяснил, что же такое – эта чертова сауна.

– И надолго вы?

– Еще не знаю.

– Учтите, зимы здесь суровые, а из-за озер снега выпадает больше, чем на большей части восточных штатов. Например, зимой 79-го, когда я жил в Кино Каунти, там выпало около тридцати футов снега. Знаете, что такое тридцать футов? Это перекрытые дороги, сугробы высотой с дом, полная изоляция. Хотя, разумеется, ничто не сравнится с метелью 38-го, когда из снега выглядывали верхние перекладины телеграфных столбов. Ладно, спальник у вас хороший, палатка тоже. До весны сохранитесь в приличном виде.

«Оставь машину на Главной улице, разбей палатку недалеко от особняка». Я вдруг понял, что ничего не знаю об

особняке. О чем и спросил Майка. И, кажется, удивил его.

– Без понятия, когда его построили, но наверняка раньше метели 38-го. Особняк принадлежал одной состоятельной семье. Они держали лошадей. Однажды в конюшне случился пожар. Все лошади погибли. Говорят, это был поджог. Так или иначе, семейство покинуло здешние места. Пару раз особняк пытались восстановить. В прошлом году кто-то нагнал туда строительной техники, но вскоре дом вновь стоял никому не нужный. Не все местные слышали о нем. Туристы и подавно туда не суются. Его называют Ведьмин дом. – Старик фыркнул. – Уж не знаю почему.

Он сказал – ведьмин дом? Или Ведьмин дом? Да, это больше похоже на правду.

– Почему? – спросил я.

– Разные истории ходят. – Майк снял синюю бейсболку, провел рукой по волосам цвета перца с солью и снова нацепил ее на голову. – Общался я как-то с парнем, который ночевал в одном из домов Хорслейка. Бывший морпех, здоровенный, как медведь. Ночью его разбудили странные звуки. Крики. Он записал эту хрень на диктофон и дал мне прослушать. Так вот, что бы ни вопило, оно было большим. По крайней мере, таскало в себе мощные легкие, чтобы производить звук такой силы и глубины.

– Может, там пробегал сасквач? – Я повертел в пальцах визитку магазина и сунул ее обратно. – Или перевертыш? Ладно, шутки прочь. Как насчет пумы или лося? Или дру-

того животного, которое просто отчаянно нуждалось в по­д­ружке?

Продавец сухо улыбнулся:

– За семьдесят четыре года я много чего повидал, меня не так-то просто удивить. В какой-то момент даже самые немыслимые, шокирующие вещи начинают казаться скучными. Но та запись заставила меня похолодеть до самых кон­чи­ков усов.

Я подавил зевок.

– Что насчет Хорслейка?

– О, это город-призрак. Ну как город... одна улица, деся­ток домов, церковь, гостиница.

– Почему он был покинут?

– Полагаю, по той же причине, почему оказываются поки­ну­тыми множество других мест. Пришло его время.

– Что, и никакой страшной истории?

Улыбка Майка утратила часть своего первоначального добродушия. Если быть точным, он хмуро взглянул на меня.

– Не хочу говорить ничего плохого о вашей затее, потому что... Ну, вы и сами понимаете почему, верно? И все же, как насчет бальзама для моей совести? Терпеть не могу чувст­во­вать себя виноватым, а вы к тому же сегодня сделали мне кассу. Я рассказал вам об особняке, а на обратном пути вы заглянете ко мне и расскажете, что видели.

Когда я вышел из лавки, нагруженный вещами, то заме­тил на дереве белоголового орлана; в тот же миг он взмахнул

крыльями и унесся в сторону мыса.

Берег был усыпан плавником и украшен оползнями. Озерный воздух обжигал пазухи. По твердому сырому песку бежал йоркширский терьер, ветер трепал его лохматую шерсть, за ним волочился синий поводок. Обнюхав мой ботинок, он поднял морду и уставился на меня, черный влажный нос ходил ходуном.

Постояв немного, пес побежал дальше, что-то вынюхивая на песке.

Несколько желтых листьев, скользнув мимо, опустилось на воду.

К тому времени я уже выкинул старого юпера из головы.

* * *

В продовольственном магазине хватало сувениров: кружек в форме медвежьей головы, чашек с надписями вроде «Юперский мужик» и «Юперская девчонка», а также стикеров на авто, провозглашавших любовь к Верхнему полуострову. При других обстоятельствах я бы купил Джерри «Юперского мужика» и с удовольствием принял бы его сдержанную, с прохладцей, благодарность.

Забив тележку всякой ерундой, я катил ее к кассе, когда что-то привлекло мое внимание. Со стенда с журналами на

меня смотрело мое лицо. Дэн Митчелл, бухарь с обложки. Я вспомнил день интервью, а именно – как помирал от похмеля и пару раз чуть не блеванул на журналистку.

Накануне меня вытащил промочить горло мой старый коresh со времен колледжа. Мы жили в одной комнате в общестии. По традиции мы страшно напились. Сначала был стакан, потом еще стакан... и еще один... Затем была бутылка. Отправились промочить горло, а закончилось тем, что я чиркал колесиком зажигалки возле рукава его рубашки, пропитанной водкой. Помню, лупил его полотенцем, а он катался по полу. Помню, прикладывался к коньяку. Когда я входил в штопор, то старался пить что-то одно. Коньяк – лучшая диеа для твоего духа.

Утром меня разбудила звонком его невеста. Кричала в трубку, обзывала подонком. У него ожоги второй степени, ты, подонок! Чтоб ноги твоей не было на нашей свадьбе, иначе я вызову полицию!

Я открыл журнал на фотографии, сделанной в день открытия моей выставки: я стою на фоне своих работ в футболке Slayer, черных джинсах и замшевых ботинках, пристально, без тени улыбки глядя в камеру.

«Его сравнивают с Каспаром Давидом Фридрихом и Уильямом Тёрнером... Мастер света... Поговаривают, что Митчелл добавляет в краску собственную кровь». «О детстве Митчелл рассказывать наотрез отказался, объяснив, что он никогда не поднимает эту тему. Дэниел Джозеф Митчелл

родился 31 октября 1980 года в...» «Важно, чтобы искусство открывало перед тобой те двери, которые ты хочешь открыть, а другие держало надежно запертыми». «Я зависим от приходящих образов. Это боль, темнота и противостояние самому себе».

На втором снимке были мы с Вивиан – тем же сентябрьским днем, в номере отеля, на фоне тканевых обоев с орнаментом из красной герани, в тот момент напомнившим мне пятна крови на дощатом полу. На Вивиан короткое черное платье с длинными рукавами и закрытой шеей (мне понравилось снимать его с нее) и босоножки на высоченной шпильке, делавшие ее стройные ноги еще сногсшибательней (босоножки я оставил). Одной рукой я обнимаю ее за талию, другой показываю «козу» и вроде как кричу на фотографа. А Вивиан демонстрирует некую вариацию знака «шака», скорчив свирепую мордашку и высунув язык.

Помнится, когда мы вышли из отеля, мимо пронеслась «Скорая», вой сирены вызвал в моей памяти строку из старой песни The Doors: «Будущее неясно, а смерть всегда рядом».

В тот день мы с Вивиан были счастливы, и ничто, пусть и на короткий миг, не омрачало открывавшегося перед нами будущего.

От шоссе 123 отходила разбитая асфальтовая дорога. Даже указателя не осталось. Сбросив скорость, я съехал с шоссе и катил мимо высоких елей и деревянных столбов линии электропередач с провисшими проводами. На одном из столбов сидела ворона.

Лес тянулся до самого горизонта. В октябре здесь, пожалуй, было красиво, но в конце ноября лес стоял неприветливый и зимний. И что-то там, среди деревьев, с нетерпением ждало ночи. Что-то, предпочитающее охотиться в темноте.

Как долго я тут проторчу? Пару дней? Неделю? Как скоро он объявится? Я предполагал, что мерзавец не собирается меня убивать. Вероятно, ему нужны деньги. Люди делают и не такое ради денег. Мог это быть родственник или друг того типа, которого я сбил?

Полгода назад в окрестностях Шардона охотником были обнаружены человеческие останки. Останки, принадлежавшие мужчине, не удалось идентифицировать – ни головы, ни штифтов, ни одежды; по некоторым оценкам, он провел под открытым небом больше двух лет. Но знаете что? Я не припоминал, чтобы отшибал тому типу голову. Возможно, он убрался в кусты, прихватив с собой голову? Ага, где запрыгнул на лошадь и двинулся в ад.

Постройки начинались внезапно: что-то мелькнуло сре-

ди сучьев – и вот я миновал дом с разрушенным крыльцом, въезжая на Главную улицу.

Вытащив ключ из замка зажигания, прихватив пистолет и фонарик, я вышел на дорогу.

Тишина стояла почти сверхъестественная. Время от времени ее нарушал медленный скрип флюгера на крыше гостиницы «Хорслейк Инн», приводимый в действие дуновениями ветра. Флюгер изображал вздыбленную лошадь. Дальше по улице были закусочная и дощатая церковь.

Ветер шелестел в высокой жухлой траве, над молчаливыми сугробами. В четверти мили дорога упиралась в лес. Под деревья вела грунтовка.

Я дал себе полтора часа на разведку. Что-то в надвигающихся сумерках тревожило меня.

* * *

Возле грунтовки я наткнулся на каменную фигурку. Должно быть, когда-то это напоминало зайца Альбрехта Дюрера – одну из его натуральных штудий, выполненных акварелью и гуашью. По сохранившимся обломкам я заключил, что заяц был установлен вроде почтового ящика. На камне осталась надпись:

Ведь все, что утро сохранит
От зайца, спящего на склоне, —

Белели клочья снега. Я шел по вязкой земле, размытой осенними дождями. Дорога была изрыта старыми колеями. Просачивающийся сквозь кроны свет казался таким же старым и неподвижным. По лесу разносился стук. Я нашел взглядом черную птицу с красным хохолком и белыми полосами, спускающимися по бокам до шеи. Хохлатая желна. Вероятно, где-то в дупле осины у нее гнездо.

Вдруг деревья расступились, и я увидел его – маяк, по ошибке построенный посреди леса, распространявший невнятные сигналы в безлюдную пустоту. Я моргнул. Нет, это был не маяк, а центральная часть особняка – башня, зажатая с обеих сторон стенами из колотого темного камня. Башня вздымалась подобно трехглазому змею, вставшему в стойку; все три круглых окна смотрят на восток, в сторону озера.

Я миновал скульптуру мальчишки с раскрошившимся лицом и веслом в том, что осталось от пальцев правой руки. Шел мимо заколоченных досками окон первого этажа, под окнами второго, заглядывающими в темноту, размышляя, что сам особняк напомнил мне старого, потрепанного ворона. Даже на старости лет ворон не утратил вкуса к падали и продолжал внушать страх. Кто в здравом уме захочет погладить эту мерзость?

⁶ Уильям Б. Йейтс – ирландский поэт, драматург. Перевод И. Бабицкого.

Проверив пистолет, я поднялся по дугообразным ступеням в основании башни, толкнул высокую дубовую дверь и попал в дом.

Внутри дом впечатлял не меньше, чем снаружи. Я отметил пыль и сухость, несвойственные давно заброшенным местам. За спиной оставались кухня (несколько навесных шкафов, стол и два стула), столовая, пустые комнаты. Луч выхватил рогатое граффити, на которое я уставился с некоторым отвращением. Рисунок не был отмечен мастерством, хотя рука художника не дрогнула, изобразив резкие черты лица мужчины и рога безоарового козла.

Коридор упирался в гостиную – с огромным камином, лиловыми обоями и умирающей красотой лепного потолка. От люстры остался крюк. Контраст пустоты под ногами и обилия форм над головой поражал. В углу – еще одна дверь, из-под которой тянуло холодом; я подергал ее – заперта. Должно быть, спуск в подвал. Сам очаг был заключен в большой каменный портал. Над каминной полкой вырезаны ели, среди которых архитектор поместил вензель «ДХ».

В одном из проемов я обнаружил душевую или то, что могло быть ею: четыре крана, ни перегородок, ни шторок, ни зеркал, ни желтых резиновых уток. Что располагалось в особняке после прихода нового владельца?

В другом проеме была лестница на второй этаж.

Я очутился в просторной комнате с двуспальной кроватью и еще одним камином. На багровой стене – чучело головы

лося, на лопатообразных рогах на сквозняке покачивалась паутина. Оконная рама не внушала доверия, с другой стороны, сколько бурь она уже выдержала?

В конце коридора приткнулось что-то вроде кладовки или каморки для швабр.

Перед тем как вернуться на первый этаж, меня занесло напрямик в 1973 год, на съемочную площадку фильма «Изгоняющий дьявола». О потолочной фреске напоминали пятна и неясные контуры – результат не времени, а чьих-то целенаправленных стараний. Под стеной лежало разломанное распятие, на половицах – огрызок свечи и капли старого воска. Я хмыкнул и пнул ботинком огрызок, отправив его к обломкам распятия. Что бы сказала моя религиозная бабуля по матери, если бы увидела распятие, превращенное в растопку для костра? Где голова демона Пазузу? Нет, не это. И близко не это.

В южной стене башни разместился узкий проем, через который я проник в небольшое помещение с заколоченным окном и чугунной винтовой лестницей. Лестница выглядела ненадежной. Я с силой наподдал балясине, лестница загудела, но не зашаталась.

Круглая комната на верху башни оказалась совершенно пуста. Из трех окон-иллюминаторов открывался вид на лес, который расступался лишь перед озером. Я пытался разглядеть флюгер «Хорслейк Инн».

Примерно в ста ярдах за особняком я обнаружил старый фундамент. Должно быть, это и есть конюшня, вернее, то, что от нее осталось после пожара. Теперь на бывшем пепелище росли осины.

С северной стороны дома был вход в подвал. Дверь не закрыта на замок. Снизу дохнуло холодным камнем, разлагающейся древесиной и подвалом дедушки Лоренса, прозванного Грязным Ларри нами с Заком. А еще – клубнем картофеля, который только-только извлекли из земли, и он все еще прохладный и грязный. Тухлые ноты.

Чем ниже я спускался, тем тише становилось. Стук желны, карканье ворон, шум ветра – все исчезло, кроме шороха шагов. Я ожидал, что ступени будут скрипеть, но лестница оказалась новой. Кто посчитал необходимым заменить ее? Очевидно, тот, кто пользуется ею.

Остановившись внизу, я глянул на прямоугольник света двадцатью четырьмя ступенями выше.

Дыхание пыльными полосами стелилось в луче фонаря, я все дальше уходил от внешней лестницы, пока не попал в большое помещение с внутренними опорами.

Абсолютная тишина и темнота.

Когда я водил фонарем, тени от опор качались, вызывая головокружение. Передо мной, точно штреки в шахте, зияли

три проема; четвертый заложен кирпичом. Какой из них ведет к внутренней лестнице, в гостиную с лиловыми обоями?

За моей спиной тоже были ходы – целых пять, расположенных на разном удалении друг от друга, разного диаметра. К примеру, тот, через который я попал в помещение с опорами, напоминал дверной проем, а крайний справа – нору. К нему я и приблизился.

Изнутри повеяло сухостью, от которой щекочет в носу. Отшлифованные каменные стены, утоптаный земляной пол, низкий потолок. Пригибаясь, я прошел ярдов двадцать и остановился. Ход тянулся, куда хватало света фонаря; так вглядываешься в зеркальный лабиринт, пока отражения не сливаются в одно целое.

Каково это – очутиться здесь в кромешном мраке?

В начале первого семестра я записался в спелеологический клуб. Меня всегда тянуло вниз. Можно увидеть пики гор, но не то, что скрывает глубина. Группа остановилась подкрепиться, все были заняты своими делами. Я тоже нашел себе занятие: захватив воду, последовал за качающимся эллипсом света, считая повороты в крайне любопытном боковом ходе. Я думал метнуться туда-обратно, в итоге ходил кругами, пока в фонаре не сели батарейки. В пещерах звук распространяется иначе: меня искали, но я ничего не слышал. Хотя время от времени раздавались шаги, замиравшие при первом же оклике. Тридцать пять часов спустя, когда меня вытащили на поверхность, я понял, что часть меня

осталась под землей.

У меня возникло ощущение, будто я не должен тут находиться. Стоило вернуться в помещение с опорами – и ощущение пропало.

Почти.

Я направился в один из трех проемов, а именно – в тот, что соседствовал с глухой кирпичной кладкой. Кто и зачем заделал вход в четвертый коридор? Вопросы, вопросы – и ни одного ответа.

Стены и потолок здесь тоже были из камня, но и близко не такого безукоризненного. По пути попадались двери. Я выбрал наугад. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы я смог оценить обстановку.

В крошечной комнате стоял железный каркас односпальной кровати. Такие кровати применялись для хосписов. Ромбическая сетка крепилась к раме крючками, на сетке валялось какое-то тряпье. Если вы не представляете, как это пахло, то я вам скажу: ужасно. Смерд дымящихся покрышек, свежепрокопченной резины и старого шкафа, в котором что-то разложилось и высохло. Добро пожаловать в отель «Конец Света».

Я резко обернулся, будто меня застучали в церкви с расстегнутой ширинкой, но за спиной никого не было.

В другой комнате дела обстояли даже хуже. От плохого к худшему. Переступив порог, я начал с энтузиазмом, достойным, впрочем, лучшего применения, шарить лучом по сте-

нам и земляному полу в поисках источника запаха, тут же попытавшегося свалить меня с ног. Ничего не обнаружив, уткнулся носом в сгиб руки и пинком захлопнул дверь, отправив эхо скакать по коридору.

– Для одного дня достаточно, – сказал я.

Казалось, произносимые мной слова обрушиваются в темноту, будто птенцы скворцов из гнезда – в неподвижную траву.

То, что произошло потом, буквально пригвоздило меня к месту. В глубине коридора вспыхнул и погас свет.

– Кто здесь? – крикнул я, хватаясь за пистолет.

Справедливости ради я мог подойти и узнать. А мог убраться ко всем чертям, убедив себя, что это всего лишь игра воображения.

С одеревеневшей спиной, чувствуя на себе неотвязный взгляд, я покинул коридор, пересек помещение с опорами, замешкался перед пятью ходами (только не оборачивайся, только не оборачивайся) – и взял левее, к внешней лестнице. Хлынувший сверху свет затопил меня облегчением. Поднявшись по ступеням, я тяжело привалился к стене и заставил себя выключить фонарик. Солнце уже опустилось за дом, и я стоял в тени каменной стены.

Подвал простирался за пределы особняка. На кой черт делать подвал шире фундамента?

А еще там что-то двинуло коньки. Вероятно, какое-то животное, забравшееся туда в поисках убежища. Может, лис?

Рассуждать об этом под открытым небом было проще. Я не верил в ведьм, демонов и прочую ерунду, но решил понаблюдать за домом.

Место для лагеря я выбрал среди берез и лиственниц. Палатку (с повышенной защитой от ветра) установил довольно быстро, бросил на пол самонадувающийся коврик, сверху – спальник. Такие коврики заполнены пористым материалом, который расправляется, стоит открыть клапан. Воздух – лучший теплоизолятор. Спальник я выбрал с запасом по температуре. Уже сейчас, согласно метеосводке, ночная температура на Верхнем полуострове опускалась до двадцати пяти градусов по Фаренгейту. Температура лимита моего спального мешка – пять градусов. Расстегнусь, если станет жарко.

Продравшись сквозь кустарник, я оказался на каменистом берегу. Кристально чистая вода отражала лес. Зимой озеро замерзнет, и можно будет добраться до противоположного берега по льду.

* * *

Закат походил на медленно темнеющий старый снимок. К моменту, как я разжег костер, на западе оставалась алая полоса, которая погасла за считанные минуты. Склон холма накрыла глубокая морозная синева. Ни дуновения ветра. Где-то вдалеке залаяли койоты.

Сухой жар костра овеивал лицо. Я достал конверт, перечи-

тал открытку, положил ее в огонь и смотрел, как она чернеет, съеживается и вспыхивает.

«Я найду тебя, когда все будет готово».

У меня снова появилось чувство, что за мной наблюдают. Была ли та вспышка плодом моего воображения? Особняк напугал меня, но не так, как пугает аттракцион на летней ярмарке. Скорее, как кровь на каменной стене. Я бы посчитал все это глупым розыгрышем, если бы не Гилберт и не фотографии.

Я вытряхнул фотографии из конверта.

Зак, мой младший брат, курил и разговаривал по мобильнику возле входа в какое-то ночное заведение, где, судя по очереди, выстроившейся перед секьюрити, кипела жизнь.

На втором снимке Диана Митчелл направлялась к своему автомобилю, припаркованному на подъездной дорожке дома в Ньюарке, Огайо, в котором выросли мы с братом. Растущие вдоль улицы ясени пожелтели.

Я взял последнюю фотографию.

Вивиан шла по улице, темно-каштановые волосы завязаны в хвост, авиаторы с зелеными линзами небрежно сдвинуты на голову. Терракотовый свитер, джинсы, на плече – стеганая сумочка с замком в виде двойной буквы «С». Бог использовал все самое лучшее, что у него было, чтобы создать эту женщину. Она была прекрасна, абсолютное совершенство.

Вивиан смотрела мимо фотографа – на что-то, недоступ-

ное моему взору. Он подобрался к ней ближе, чем к моим брату и матери. Возможно, она даже видела его лицо, заглядывала ему в глаза, прошла мимо него в непосредственной близости. Уловил ли он запах ее духов? Коснулся ли ее волос?

Я положил фотографию Вивиан во внутренний карман куртки и представил, как направляю ружье ему в лицо и жму на спуск.

– Виви, – сказал я, коснувшись обручального кольца – нити из белого золота, – он убил нашего пса.

* * *

Накрутив горелку на баллон, я поставил на нее котелок и разогрел суп. Поужинав, достал бутылку виски четырехлетней выдержки. Ночи в лесу длиннее и темнее ночей в уютной кровати за закрытой дверью, верно? Вовсе нет, если ты прихватил болеутоляющее и «глок». А в сочетании они сделают меня непобедимым. Защитят от всего на свете, даже от гнева Божьего.

Я смотрел на бутылку в своей руке: из темно-зеленого стекла, с яркой желтой этикеткой и красными буквами – прочными, внушающими доверие закрытыми дверями. Выглядела она превосходно. И мне она была нужна. Я вдруг понял, что ждал этого момента целый день.

А как же то, что ты вчера сказал Уильяму?

Бутылка молча взирала на меня, не осуждая, но и не одобряя моих действий. Меня это более чем устраивало. Подумаешь, всего один глоток. Я справлюсь со всей этой безумной чушью при помощи одного лишь глотка. Старая история! Пальцы уже откручивали крышку. Кто там сказал, что виски – напиток, который сначала разглядывают и только потом пригубливают? Как и красивых женщин.

Ха, подумал я и сделал глоток. Виски обжег пищевод. Ничто не мешает разглядывать и пригубливать одновременно. Особенно женщин.

По телу разлилось тепло, усталость как рукой сняло. Я знал, что это тепло, накопленное внутри моего тела. Я также знал, что оно не задержится в мышцах, поэтому снова подкрепился.

Тишина и покой лежат на дне бутылки, добраться до них можно единственным способом – выжать все до последней капли. Впервые до потери сознания я напился в четырнадцать, правда, сначала я превратился в зверя и только потом отрубился. В каждой бутылке есть звериный блеск. Хотя не исключено, что это всего-навсего отражение ваших собственных глаз.

Вскоре я начал клевать носом. Жизнь вроде бы налаживалась. Нет ничего такого, что не смог бы поправить алкоголь. К черту этого психа. Все это не более, чем увеселительная прогулка, правда?

Не совсем.

Я вновь достал фотографию с Вивиан из внутреннего кармана и почувствовал, как на глазах выступают пьяные слезы...

Второе октября 2010 года, наше первое свидание. Стояли последние погожие деньки и не по сезону мягкие октябрьские ночи. Вивиан двадцать два, мне почти тридцать. Мы знакомы двенадцать дней, я еще ни разу не поцеловал ее. С любой другой я вел бы себя иначе, поэтому, как правило, не дотягивал до третьего свидания. Потрахались, разбежались. Но с Вивиан я заставлял себя притормозить. Мне хотелось растянуть удовольствие, потому что она была той самой, я понял это в тот самый миг, когда наши взгляды встретились.

Мы ходили на ланч, прогуливались по городу, но она всегда уворачивалась, уходила от преследования – не потому, что не хотела, а потому что боялась того, что хочет. В моей груди росло напряжение, точно поверхностное натяжение на стакане, заполненном доверху: еще несколько капель – и вода прольется. Все должно было вот-вот случиться, и мы оба это знали. Поэтому я выкрутил на полную свое фирменное обаяние, и она приняла мое приглашение в парк развлечений.

На ней – светло-голубые джинсы на высокой талии и маленькая зеленая футболочка с Черепашками-ниндзя, которая натянулась там, где надо, и так, как надо. Я гадал, какой на ней бюстгальтер. Какого он цвета? Однозначно тот, что подчеркивает естественную форму ее груди, которая не нуж-

дается в дополнительном объеме. Если на то пошло, в бюстгальтере – тоже. И во всей этой одежде. Такой груди, размышлял я, когда Вивиан рассказывала мне о своих учениках (кажется, я же и спросил ее об этом), нужны тугие спортивные топы, чтобы держать ее при беге. А когда она тянула меня за руку на очередной аттракцион, я не мог поделить внимание между ее узкой спиной и пятой точкой.

Грудь или задница? Я был джентльменом обеих.

Какие на ней трусики?

Я выиграл ей большого черного медведя, сбив из воздушники все фигурки кроликов, и она ходила с ним в обнимку.

– Вивиан, кажется, я начинаю ревновать.

Она рассмеялась и встала на носочки поцеловать меня в щеку. Когда она почти коснулась губами моей щеки, я сжультничал: повернул голову, и поцелуй пришелся на мои губы. Она вспыхнула, у нее даже уши покраснели.

– Дэн, я должна тебе кое в чем признаться...

Я серьезно взглянул на нее:

– Вивиан Кэтрин Эбrait, вы втрескались в меня по уши?

Вивиан улыбнулась этой своей сногшибательной улыбкой, с игривым прищуром лисьих глаз.

– Я никогда не была на свидании.

Положив руки ей на плечи, я повернул ее так, чтобы красный неон залил ее лицо праздничным сиянием. От нее пахло яблоками «Гренни Смит», нагретыми солнцем и облитыми луговым медом. В тихом октябрьском вечере аромат мер-

цал огнями карусели, воспламеняя мою кожу. Морозными утрами, когда Вивиан будет возвращаться с пробежек, аромат раскроется иначе – ветром из яблоневого сада. Луг и стога сена раскалены, а в саду прохладно, поскольку ночью прошел дождь, земля и корни деревьев до сих пор влажные, жужжат насекомые, стрекочут кузнечики. Зной луга, сухость стогов, сладость яблок и душистого горошка.

– Тебя никогда не приглашали на свидание?

– Приглашали. Просто раньше мне не хотелось принять чье-либо приглашение.

Я представил этих несчастных мужчин; конечно, они ее хотели – все до единого.

– Знаю, я чертовски обаятелен... И все же, чем я заслужил такую честь?

– Ну, – Вивиан делано задумалась, – у тебя славный голос.

Ухмылка сошла с моего лица. Я резко и почти что грубо притянул ее к себе, пока она не успела прикрыться медведем, больше не пытаясь контролировать свои инстинкты. Чувствуя, как ее грудь прижимается к моей грудной клетке сквозь ткань, какая она теплая, как колотится ее сердце... Фантастика, подумал я и скользнул ладонями по ее спине, на миг позволив им опуститься ниже, чем положено на первом свидании с девушкой, для которой это в принципе первое свидание.

Вдруг мне пришла в голову дикая мысль.

– Вивиан, могу я задать тебе один вопрос? Не захочешь

отвечать – без проблем, назови меня придурком и влепи мне пощечину...

– Слушаю тебя очень внимательно.

– У тебя вообще был... кто-то?

Она покачала головой, на щеки с ямочками осыпались темные локоны.

– Вивиан, ты не представляешь, что это значит для меня...

Она отстранилась и нахмурилась:

– Прости, что ты хочешь этим сказать?

– Ты неправильно меня поняла...

– А я думаю, что правильно. Ты подразумевал, что мы должны заняться сексом.

Я открыл рот, закрыл. Вивиан раскусила меня: конечно, именно это я и подразумевал.

Тут она улыбнулась и легонько стукнула меня кулачком в плечо.

– Брось, Дэн. Вообще-то должны.

Колесо обозрения медленно вращалось над нами.

– Чувствуешь?

Вивиан кивнула, не отводя от меня огромных темных глаз, наполненных алым светом.

Я положил ладонь ей на живот, над джинсами.

– Здесь? – Коснулся ее груди, над сердцем. – Или здесь?

Осенняя ночь вспыхивала сотнями огней, Пол Анка пел о том, что любовь – это игра, в которую невозможно выиграть, и мы танцевали в красном неоне – во всей этой крови

с головы до пят.

Февраль 2011 года. Я приехал к ней, сидел на диване, ожидая, пока она соберется. Когда она вышла из спальни, я сказал, что нам надо поговорить. Она с тревогой взглянула на меня. Я заулыбался. Ну, мне просто было любопытно, может, ты хочешь выйти за меня замуж. Вивиан начала плакать, затем достаточно успокоилась, чтобы сказать «да». Я встал на одно колено и надел ей на палец кольцо с желтым бриллиантом, а у нее от волнения тряслись руки.

Заслужил ли я ее? Нет. Стала ли она моей? Да.

* * *

Я уже был довольно кривой и с трудом поднялся на ноги. Стоило отойти от костра, как навалилась темнота, а холод запустил в меня свои зубы. В городе забываешь, как бывает темна ночь. Пошатываясь, я расстегнул ширинку и, слушая стук струи по опавшим листьям, прикрыл глаза.

В темноте что-то зашуршало.

Я распахнул глаза так, будто меня ткнули раскаленной кочергой. На границе света что-то было. Я попятился, брызги попали на ботинок. Чертыхнувшись, застегнулся и вернулся за фонариком. То, что я принял за человеческий силуэт, оказалось лиственницей с глубокими трещинами на коре.

Я сел в кровати. Мне снилась авария, теплая волна паники сжимала внутренности. Я потянулся за шипучими таблетками, рука ткнулась в натянутый холодный нейлон. Открыл глаза – в темноту палатки.

Полной уверенности не было, но мне казалось, что я закрывал вход, при этом не помнил, как заползал внутрь, в голове все перемешалось. Потянув «молнию», задержал взгляд на тлеющем небе. Тишина стояла такая, что можно было услышать скольжение Млечного Пути. Звездный свет с сухим шорохом струился на землю.

* * *

Во второй раз меня разбудил громкий треск. Поднялся ветер, раздувая звезды, словно белые угли, заставляя их ярко сверкать.

В пятнадцати ярдах лежала береза с вывороченным корневищем.

Я заполз обратно в спальный мешок, уже достаточно протрезвев, чтобы по достоинству оценить самонадувающийся коврик. Лежал, слушая, как в темноте, раскачиваясь на ветру, скрипят деревья. Может, не деревья вовсе, а суставы неведомого зверя.

Утром я выбрался к прогоревшему костру и пустой бутылке. Возле палатки были следы: протекторная подошва с глубоким рисунком, четырнадцатый размер. Ублюдок шатался вокруг моей палатки, вероятно, заглядывал внутрь, смотрел, как я сплю!

Крякнув, будто меня стукнули кулаком в живот, я ломанулся за пистолетом. Насколько я был осведомлен, эта простая тактика часто оканчивается успехом.

– Давай поступим по-настоящему оригинально, – сказал я, учащенно дыша, «глок» в руке. – Ты не будешь об этом думать весь день. Немного подумаешь об этом перед сном, потом ляжешь спать.

Не стану утверждать, что это звучало убедительно, но что вообще может звучать убедительно в сложившихся обстоятельствах?

Помимо прочего, я оставил ботинки снаружи, и за ночь те стали тверже камней на берегу. Опытным путем я обнаружил, что шнуровать задубевшие ботинки куда менее приятное занятие, чем забуриваться в ледяной спальник.

Таблеток от похмелья не было, поэтому я включил походную плиту и сварил кофе – такой крепкий и горький, что сердце мгновенно застучало, туман перепоя начал рассеиваться. Правда, я забыл о фильтр-пакетах, и кофейная гуща

поскрипывала на зубах.

За ночь озеро у берега сковал тонкий лед. Я пил кофе, глядя на неподвижную воду, на дальний берег, вырастающий резко – стеной елей. Над озером пролетела большая черная птица. Ворон?

Я вернулся в лагерь, собрал волосы в хвост, вытащил из баула походный топор, складную пилу и приблизился к березе, чье падение разбудило меня среди ночи. В лесу было полно сухостоя и старого валежника, но у березы прочная древесина с прямым волокном, придется потрудиться, чтобы распилить ствол на заготовки и расколоть их на поленья. А мне как раз необходимо было отвлечься. Я принялся сбивать топором ветки, затем поработал пилой. Поленья сложил возле пепелища, не став накрывать их брезентом; пусть полежат под открытым небом на морозце.

Отец постоянно колол дрова. У него был очень острый топор, который он сам вытачивал; говорил, что только таким топором работается легко и приятно.

За целый день я ни разу не приблизился к особняку. Нашел сосну с двумя ведьмиными метлами (или ведьмиными гнездами). Метелка занялась от первой же высеченной искры, оглушительно трещала и сильно дымила. Когда стемнело, я включил походную плиту и приготовил еду из пакета. В таких пакетах бывает что угодно: от пиццы до крем-брюле. У меня оказалась курица по-тайски. Надо только добавить кипятка. К несчастью, я не додумался взять стейк.

Закрыв глаза, я представил, что ем ньюкки со сливками и трюфельным маслом, отовсюду доносится приглушенный гул разговоров, играет джаз... Мне не хватало музыки. Правильно подобранная песня может заменить внутренний диалог. А теперь все, что я слышал, это гребаный внутренний диалог.

Одежду я бросил поверх спального мешка; она послужит дополнительным теплоизолирующим слоем, кроме того, утром будет не такой холодной. Натянув шерстяную шапку и еще одни носки, я обеспечил себе вполне сносные условия. Не хватало самой малости – глотка коллекционного шестидесятилетнего коньяка. Хотя, конечно же, глотком я бы не ограничился.

Вспомнив о сигнальном пистолете, я вытащил его из упаковки и отсоединил патронташ от рукоятки. На упаковке было написано, что «Орион» нельзя хранить и носить заряженным. Ну, мне лучше знать. Усмехнувшись, я переломил оранжевый ствол и сунул в него патрон двенадцатого калибра. Затем потренировался хватать «глок» и направлять его на вход. С другой стороны, в качестве приветствия можно пальнуть из сигнального пистолета и подкрепить его рукопожатием из «глока». Привет, как дела.

Вскоре воздух внутри спальника прогрелся. Снаружи палатки тлели угли. Во тьме закричала сова. Ее крик переместился, когда она перелетела на другое дерево.

Я снова проснулся в крошечной темноте, с натянутой на замерзший нос шапкой. Внутри спальника было невыносимо жарко, я выпутался из него, сорвал шапку и сел, чувствуя, как горячий воздух из мешка выходит наружу, в зубодробительный холод. Я учащенно дышал, сердце колотилось в горле. Мне снилось, что я занимаюсь любовью с Вивиан, я до сих пор чувствовал ее горячую спину под своими руками. Давай, детка, зажги мой огонь. Наполни эту ночь огнем.

Над лесом прокатился низкий рокот грома. Я посмотрел в сторону костра как раз в тот момент, когда погасли угли.

Той ночью я больше не спал. В темноте шел дождь, вспышки молний отбрасывали длинные извилистые тени. В стрекоте дождя о нейлон мне мерещились шаги; они то приближались, то отдалялись. У меня не было ни сил, ни желания проверять, есть ли там кто-то на самом деле, или это мое воображение, заигрывающее с паранойей. Так или иначе, я был готов пристрелить любого, кто сунется в мою берлогу, будь то хоть сам дьявол.

Когда стало понемногу сереть, я выглянул из палатки. Продолжал моросить дождь, несколько капель тут же упали мне за шиворот. Я достал из кармана шапку, нахлобучил ее до бровей, когда осознал две вещи. Первая: ботинки. Вторая: дрова. И первое, и второе было мокрым. Пусть полежат на

морозце, верно? Какого черта! Соревнование на звание лучшего-бойскаута-за-тридцать-пять проходит в соседнем лесу.

В машине были кроссовки. Но что такое кроссовки в северном лесу? И как я доберусь до Хорслейка, когда с деревьев капает, земля под ногами пружинит, а носки можно выжимать?

Ругая себя последними словами, я спустился к озеру. Дождь колотил по стальной поверхности, острые, точно спицы, ели были подернуты серой дымкой, а мои ноги очень скоро стали ледяными. Я настолько упал духом, что, вернувшись в лагерь, не стал зажигать плиту и позавтракал холодным супом, замерзнув от этого еще сильнее. Счистив грязь с ботинок, взял их с собой в палатку, но что толку теперь?

* * *

Когда я открыл глаза, свет снаружи не изменился. Сливавшийся с тенями циферблат Rolex Submariner утверждал, что сейчас – семнадцать минут третьего. Голова раскалывалась, я чувствовал, что заболеваю.

К черту все, с меня хватит! Я могу уехать прямо сейчас. В сухих, мать его, кроссовках.

Выскочив из палатки, я заорал:

– Я ЗДЕСЬ! ЧЕГО ЖЕ ТЫ ЖДЕШЬ?

Со стороны озера донеслось отрывистое карканье.

Натянув брюки и куртку, я схватил пистолет, ключи от

машины и побежал в Хорслейк.

* * *

Четверть часа спустя я продрался сквозь подлесок и вывалился на Главную улицу. Где-то в середине пути я понял, что не взял фонарь. Распахнув дверцу своего внедорожника, рухнул на водительское кресло, вставил ключ в замок зажигания и... замер.

Моросил дождь, монотонно и беспрерывно.

Достав фотографию Вивиан из внутреннего кармана куртки, я позволил себе снова утонуть в ней. Сколько боли ты можешь причинить женщине, которую любишь? Я грохнул кулаком по клаксону, и мертвая тишина огласилась отрывистым гудком. Как далеко зайдешь? Некоторое время я колотил по рулевому колесу, дверце и сиденью – по всему, до чего мог дотянуться.

Затем разулся, стащил сырые носки, нацепил беговые кроссовки (зачем мне беговые кроссовки, если я не бегаю?) и вышел на дорогу. Мой взгляд упал на второе по высоте после «Хорслейк Инн» здание в городке.

* * *

Я не был в церкви уже много лет. Не считал себя атеи-

стом, но и верующим, как бабуля, в чьем доме повсюду были деревянные распятия, словно в каком-нибудь классическом фильме ужасов, тоже не являлся. Я не выносил разговоров о Боге, а воскресные службы, когда приходилось сидеть рядом с незнакомыми людьми, считал вмешательством в свое личное пространство.

Витражи в стрельчатых окнах отсутствовали, под подошвой кроссовок хрустели стекла. Я сидел на скамье во втором ряду, глядя на разрушенный алтарь, с пистолетом на коленях, пока меня не начали одолевать холод и скука. Мои веки медленно, преодолевая жжение, разомкнулись. Шорох дождя напоминал шепот, и церковная тишина казалась неправдоподобно естественной.

Тогда я отправился в закусочную. Надпись у входа по-прежнему была читаема: «ДОМАШНЯЯ ЕДА. ЗАВТРАК ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ. СИГ, ЗАЖАРЕННЫЙ ДО ЗОЛОТИСТОЙ КОРОЧКИ». В глубине зала стояло инвалидное кресло. Меня не пугали подобные места. Чего здесь бояться? Я не верил в истории с привидениями. Вера, в том числе в мистику, часто лишает людей рассудка.

Подобрав меню с пола, я сел за столик, скрипнув пыльным винилом бордового диванчика, и перечислил воображаемой официантке:

– Глазунья, индюшачьи сосиски, жареный картофель. Все должно сочиться маслом и иметь хрустящую корочку. И, конечно, бутылку конька восьмилетней выдержки. Впрочем,

если у вас завалялся тот, шестидесятилетний, я, пожалуй, остановлюсь на нем. Да, бутылку, благодарю. Такой джентльмен, как я, не выпивает, а надирается еще до ужина. Вы принимаете к оплате карты?

* * *

На обратный путь я затратил вдвое больше времени. Пока я бродил, начало стремительно темнеть. Понимание того, что я заблудился, стало полной неожиданностью, и назвать ее приятной не могу. Кто убегает в лес без фонаря? Правильно, только придурок. Дэниел Митчелл, хренов охотник, хренов художник. Надо возвращаться обратно в Хорслейк. По крайней мере, у меня есть ключи от машины.

Я остановился. Обратно – куда? Туда? Или туда? Холодок первобытного страха, сидевшего так глубоко, что разглядеть его на свету не представлялось возможным, коснулся сердца. Перспектива ночевки в отсыревшем лесу, без фонаря и спичек, потрясла меня до глубины души.

– ЭЙ, КТО-НИБУДЬ!

Мой голос прозвучал жалко. Я велел себе заткнуться, вжал голову в плечи и зашагал дальше, но споткнулся о корягу и ткнулся мордой в грязь. Я знал, что сейчас у меня дикие глаза – зверя, в которого тычут ножом. Сыпля проклятиями, вскочил на ноги, подхватил ботинки и перекинул их через плечо за связанные шнурки. Среди деревьев показав-

лась палатка. А уже через десять минут стало так темно, что я не видел ничего дальше вытянутой руки.

* * *

На горизонте протянулись светлые полосы, в разрывах туч вспыхивали все новые звезды.

Умывшись в озере, я ободрал бересту с сырых дров и разрубил их на более мелкие части – так они быстрее подсохнут и загорятся. Из средней части поленьев наделал щепок. Пальцы ломило от холода. Все знают, что лучшая растопка для костров и печей – это набивка старых автомобильных сидений (горит даже мокрая). И только художники могли бы с этим поспорить. Лучшие костры получаются из полотен.

Конструкцию я сложил так, чтобы внутри оказались щепки и береста, а снаружи – небольшие сырые деревяшки.

Вскоре костер уже всюду трещал, жар был такой силы, что я рискнул заложить несколько больших поленьев; огонь даже не поперхнулся, с готовностью принявшись за них. Еще час назад я был в полной заднице, а теперь все было почти хорошо. Ничто не способно столь же эффективно изгнать из головы малейшую мысль о безумии, как треск огня.

Возле костра я воткнул две палки, на которые нацепил по ботинку; в воздухе вился пар – это из нубука испарялась влага. Сам я сидел, держа ноги на прогретых, среднего диаметра поленьях, и прихлебывал горячий суп. Я провел здесь три

дня, и мои припасы значительно сократились. Ну и черт с ними.

Луна поднималась все выше, пока по земле не поползли тени. Скоро полнолуние. Я нашел взглядом Юпитер, второй по яркости объект на ночном небе. Марс скрывали облака, но в отличие от Юпитера он пробудет на небе почти до утра.

Под куполом палатки царил непроглядный мрак. Рывком сев в спальном мешке, я потянулся к фонарику. Свет фонаря слепил, выжигая тени. 5:42.

Растегнув «молнию», я выбрался наружу. Костер прогорел, лес стоял темный и неподвижный. Темнота над горизонтом еще не поредела, но это уже была не ночь, а астрономические сумерки.

Удивительная тишина. И ощущение пронизывающего взгляда.

Я вглядывался в сторону озера, ожидая увидеть то, что разбудило меня. А именно – треск. Еще одно дерево?

Когда я оглянулся, у меня едва не подкосились ноги. Сквозь деревья пробивалось красное свечение. В разгоряченном мозгу мелькнула мысль, что особняк горит, но сияние было холодным и твердым, как взгляд из темноты.

Даже не набросив куртку, я направился на свет в окнах Ведьминого дома, то и дело натыкаясь на сучья, проклиная старика из магазина с туристическим снаряжением за то, что подобрал мне это название.

* * *

Голова змея нависла над деревьями, все три круглых глаза

напористо обшаривали темноту, полыхая багровым.

Я стоял у подножия башни, пистолет – в правой руке, фонарь – в левой, и смотрел на окна-иллюминаторы. Что еще придет на свет трехглазого маяка? Выберется из озера и заковыляет по каменистому берегу, а в темных глазницах будет дрожать едва заметный багряный отблеск, то тускнея до едва различимого, то вспыхивая.

Источник света находился в башне. Как, вероятно, и тот, кто включил его.

Я ударил плечом в высокую дубовую дверь, отбрасывая ее к стене. Передо мной лежал коридор, в котором не шевелилось ничего, кроме луча моего фонаря, мечущегося из стороны в сторону, точно паук. Пульс гремел в ушах. Дом был абсолютно безмолвным в предрассветной тишине.

Узкий проем в южной стене башни наполнял свечение. Остановившись у подножия винтовой лестницы, я посмотрел вверх, на кованые ступени, по которым струился красный свет. Оставив фонарь на полу рядом с лестницей, начал подъем. Но еще до того, как над полом показалась моя голова, остановился. Что, если он только и ждет, когда сможет огреть меня чем-то? Впрочем, если бы он хотел разmozжить мою пьяную рожу, то сделал бы это еще в первую ночь.

Я взлетел по ступеням.

Сперва мне почудилось, что кто-то стоит у окна. Однако это была металлическая стойка с меня ростом, к которой крепился прожектор; такие используют на стройплощадках

и в барах. Я успел сделать два шага по направлению к прожектору, когда винтовая лестница загудела. Кто-то быстро поднимался в башню!

Мир стал четким до рези в глазах. Это сон, прямо сейчас я сплю в палатке. Подняв пистолет в атмосфере нарастающего насилия, я сказал себе: «Ты узнаешь, кто он, что ему надо, потом пристрелишь его и закопаешь в лесу. Ну же, это вроде дозатора в бутылке: стакан не будет перелит, даже если рука дрогнет. А она не дрогнет».

Запахло холодом. Водкой, смешанной с кровью. Сверлящий, зубодробительный запах. Часть меня – та самая, которую я изо всех сил пытался заставить замолчать, – уже знала, что увидит. Так и произошло.

Над полом возникла макушка. Он все поднимался и поднимался, пока не шагнул в комнату.

Моей первой мыслью было: «Господи, да он с ног до головы облит кровью!» Моей второй мыслью было: «Я его знаю». – Джимми? – пробормотал я.

Шесть футов и четыре дюйма, долговязый, бледный, темные волосы доходят до лацканов черного спортивного пиджака, от двадцати пяти до тридцати.

Это не был Джеймс.

Под спортивным пиджаком угадывалась сложная конструкция из ремней: карманы и крепления по бокам для равномерной нагрузки и заклепки, усиливающие их прочность. Как пояс электромонтажника, когда не обойтись без подруч-

ного инструмента. Инструменты, закрепленные на карабинах, терлись о черные джинсы; из отделений выглядывали зубило и плоскогубцы. Все вместе это должно было весить не меньше двенадцати фунтов, но человек стоял так, будто не замечал веса.

Правую руку длинноволосый держал за спиной.

– Дэниел, – сказал он неожиданно тихим и мягким голосом, даже не взглянув на пистолет в моей руке, – все уже готово. Идем.

– Ты спятил? Никуда я с тобой не пойду, твою мать! Мы поговорим здесь и сейчас. Кто ты и что тебе надо?

– Ты хочешь говорить, наставив на меня пистолет?

– Только бездушный псих способен убить собаку! Что ты держишь за спиной? Покажи!

Длинноволосый медленно вывел руку из-за спины, демонстрируя короткую палку – нечто среднее между полицейской дубинкой и бейсбольной битой. Не могу сказать, что я вздохнул с облегчением. По какой-то причине, вероятно, ему показалось, что палка справится с поставленной задачей лучше пистолета или ножа.

– Ты здесь один? Отвечай!

– Да, – ответил человек все так же тихо и мягко. – Разве ты не узнаешь меня?

– Кем был тот, кого я сбил?

– Почему бы тебе не убрать пистолет?

Я издал небольшой смешок.

- Ты не в том положении, чтобы приказывать мне.
- Если ты убереешь пистолет...
- Заткнись и слушай сюда.

Он смотрел на меня с волчьей пристальностью. Всякое дикое животное боится человека. Но бывает, что человек – сам как дикое животное. А такие люди не всегда боятся других людей. Иногда они их совсем не боятся.

- Слушаю, – спокойно произнес он.
- Ты говоришь, какого черта тебе надо...

Угловатые движения его высокой фигуры вызвали у меня еще одну улыбку. Я усмехнулся прежде всего потому, что сам был выпускником этой школы, пока не заматерел. Но также потому, что часть меня получала удовольствие от факта, что преимущество на моей стороне. Я всажу в него все девять пуль, прежде чем он дойдет до центра круглой комнаты. Не сложнее, чем убить оленя. По правде говоря, даже легче. Этот тип весил не больше ста восьмидесяти фунтов. Конечно, это будет легче.

- Иначе я вышибаю тебе мозги.

– Я должен был это услышать, – сказал длинноволосый. И шагнул ко мне. – Стреляй!

Я потянул за спусковой крючок – снова и снова, но долговязый продолжал наступать. Спусковой крючок сухо щелкал. Вдруг человек остановился, вытащил из кармана пиджака горстку патронов и взвесил их в руке.

О нет, нет, нет... Когда я в последний раз проверял па-

троны? Ошибка, которая может стоить мне жизни.

Я огляделся в поисках того, что могло бы сойти за оружие. Думал схватить металлическую стойку с прожектором, но тогда я окажусь с ним в темноте. Не уверен, чего мне хотелось меньше: драться с ним при свете или в полной темноте.

А еще у него была эта хреновина... дубинка. На его поясе присутствовали куда более угрожающего вида инструменты, но почему-то именно дубинка крайне беспокоила меня.

Проследив за моим взглядом, длинноволосый выше поднял палку:

– Знакомься, это Колода. Хочешь взглянуть, что она умеет?

О боже, вот черт, он дал ей имя, будто это не идиотская деревяшка, а любимый аксессуар вроде портмоне или трубки!

И тут я понял: он заставил меня разыграть небольшую сценку, чтобы привести себя в нужное настроение. Это меня надломило. Я развернулся и бросился к окну-иллюминатору, собираясь...

Воспоминание выплыло из темноты, будто икосаэдр с ответом – из темной жидкости магического шара 8. Я вспомнил чердак в доме, в котором не был уже тридцать лет. На чердаке было круглое окно, в раму которого пробирались насекомые. Мухи, пчелы, осы, жуки – все были там. Какое-то время они жили внутри рамы, потом всходило солнце, на-

гревало чердак. Жар делал их ярче и чище, взамен получал их цвет. Я был одним из них, и жар поднимающегося солнца собирался забрать мой цвет, оставить от меня сухую оболочку...

Холодным голубым глазом сияла Венера. Небо на востоке напоминало засвеченную фотографию. Я коснулся окна, когда между ушами затрещало, и я повалился на пол. Большие черные ботинки четырнадцатого размера остановились возле моего лица. Я понял, что смотрю на держатель для молотка, на сам молоток с гвоздодером, когда длинноволосый ударил во второй раз. Вдалеке кто-то закричал: «Митчелл, вернись! Ты не можешь вот так взять и уйти!» Темнота накрыла меня, точно свод рухнувшего шатра – мгновенно и необратимо.

Часть вторая

Ведьмин дом

16

Когда я открыл глаза, все залил свет, показавшийся мне ослепительным. Тогда я осторожно огляделся сквозь полуприкрытые веки.

Кемпинговый фонарь, выставленный на минимальную яркость, едва разгонял темноту, заполняя тенями все впадины в камне стен.

Я сел на матрасе, брошенном прямо на земляной пол. Внутри руки что-то болезненно натянулось. Я с изумлением перевел взгляд на иглу для внутривенных вливаний, торчащую из моего левого предплечья под углом в тридцать пять градусов. От нее к пакету с препаратом, висящему на стойке, тянулась трубка.

Отлепив оба пластыря, я выдернул крупную иглу. По внутренней стороне руки побежала струйка крови. Коснулся затылка. «Будто удар алюминиевой биты по мячу, – подумал я и постарался оборвать логическую, по крайней мере для меня, цепочку, но не смог. – Звонкий, как раскалывающееся полено».

Часы пропали, и я не имел ни малейшего представления, сколько прошло времени.

Рядом с матрасом лежала бутылка воды. Рот словно набили ватными стоматологическими валиками, проглотившими всю слюну. Схватив бутылку, я начал пить.

Лязгнул замок.

Я вскочил с дико колотящимся сердцем, проливая воду. Обитая железом дверь открылась бесшумно, без ожидаемого визга петель. На этот раз длинноволосый был без спортивного пиджака, в футболке и джинсах. Первое, что бросилось в глаза, – его руки: крупные кисти, предплечья с выступающим венозным рисунком. Сплошные мышцы, обвитые венами. Подобная сила достигается не монотонным поднятием тяжестей в клубе здоровья, а работой.

Второе – ножны на ремне.

– Я взял на себя смелость поставить тебе капельницу, – сказал человек тем же тихим, мягким голосом. – У тебя было обезвоживание.

И бросил мне антисептическую салфетку. Разорвав упаковку, я приложил салфетку к ранке от иглы.

Мой голос был хриплым от долгого молчания.

– Обезвоживание? Ты чуть не вышиб мне мозги той хренью!

– Ты стрелял в меня, – возразил длинноволосый.

– Ты вытащил патроны из «глока»!

– Странно, что ты не заметил полегчавший на девять пуль

пистолет. Я заглянул в твою палатку, когда тебя не было. Дэниел, ты ненадежен и неуправляем, но не непредсказуем.

Его глаза заставляли меня нервничать. Казалось, они знали все то, что я хотел скрыть, и даже то, что забыл. Под их немигающей пристальностью я вновь почувствовал себя шестилетним мальчишкой.

Длинноволосый вышел в коридор и вернулся с пластиковым подносом.

– Кстати, меня зовут Говард. Ты в подвале моего дома.

На подносе были два сэндвича из поджаренного тостерного хлеба с пастроми, вареное яйцо, яблоко, в термокружке – кофе. Могли пройти дни с тех пор, как я ел.

– Ведьмин дом принадлежит тебе?

Говард кивнул мне тем особым снисходительным кивком, который так часто получают старики от молодого поколения.

– Я бы не стал называть его так, но суть ты уловил.

– Что тебе надо? Деньги? Ладно, я понял. Тебе нужны большие деньги. Или много, или ничего. Назови свою сумму. Наверняка ты потратился на покупку этой развалины.

– Я тебе не по карману. Кроме того, в твоем случае деньги меня не интересуют.

– Ложь, – сказал я, но в моем голосе не слышалось уверенности.

– Разве ты не узнаешь меня?

Страх с новой силой сдавил желудок.

– Ты не собираешься меня убивать, тебе не нужны деньги.

Сколько ты намерен держать меня взаперти?

– Ты здесь не пленник, а гость. Дэниел, разве ты не узнаешь меня?

Тогда я закрыл глаза и отчетливо увидел лицо – белое, как кость, в свете фар. И глаза – льдисто-голубые.

Лицо Говарда.

Я в ужасе уставился на него.

– Кажется, – усмехнулся он, – человек готов пойти на любые ухищрения, лишь бы быть в мире с самим собой, не так ли?

– Я не хотел... Мне жаль.

– В это я могу поверить. Однако не проси меня поверить в то, что тебе жаль.

– Но как...

– Дэниел, среднестатистический пьяный водитель множество раз сядет за руль, прежде чем попадет в аварию или будет задержан. Десятки, возможно, сотни раз. А если бы это был ребенок, переходивший дорогу?

– Не знаю, что ты...

– Ты отлично знаешь, что я имею в виду. Видишь ли, – негромко продолжал Говард, его глаза больше не были отстраненными, в них что-то зажглось, – в ту ночь я почти убедил себя, что это некое высшее наказание, наконец наступившее меня. Но когда ты вышел из машины, я понял, что ты мертвецки пьян. Это было не возмездие. А безответственный водитель. Ты стоял на дороге, глядя в мою сторону, не

видя меня; решал, как поступить. Страх пересилил, и ты уехал.

– Но почему...

– Первое время я хотел навеститься к тебе как можно быстрее. Посадить тебя на стул, взять газовую горелку. Потом я узнал, кто ты, и занял себя работой, хотя сросшиеся кости постоянно ныли. – Говард зачерпнул землю и сунул мне под нос. – Эта грязь – память о работе, сделанной мною в тот период. Смотри внимательно, и ты поймешь.

– Я думал, ты мертв.

Он бросил землю обратно.

– Было бы неплохо, правда?

– Почему ты не дал о себе знать?

– И ты стал бы со мной говорить?

– Да, – ответил я после секундной заминки, а в голове до сих пор гремело: «посадить тебя на стул, взять газовую горелку».

– Действительно, – улыбнулся Говард, – зачем тебе врать? Именно по этой причине в конверте оказались фотографии. Прежде чем совершить ошибку, подумай о своей жене. Иначе о ней подумаю я. – Улыбка исчезла с его лица. – Я был к ней так близко, что мог коснуться, не протягивая руки.

Ярость была подобна выстрелу из дробовика. Притащи меня в подвал, запри в комнате, но не смей втягивать в это Вивиан. Говард развернулся с такой стремительностью, какой я не ожидал от него, доставая нож.

– Никогда не нападай на меня со спины. Смотри мне в глаза, как тогда, когда сбил меня. – Он убрал нож в ножны. – Заверяю тебя, я не трону ее, если ты будешь сотрудничать.

Я отшатнулся. Перед мысленным взором возникла картинка: звенит звонок, вспыхивает свет, у меня течет слюна.

– Что ты подразумеваешь под сотрудничеством?

– Ты будешь писать.

– Ты заставишь меня?

– Нет, – возразил Говард. – Попрошу. Когда поешь, поднимайся наверх. Сверни налево, потом дважды направо. Там будет внутренняя лестница. – Он задержался в дверях. – Дэниел, люди перестают казаться странными, когда узнаешь их ближе. Правда, тогда в тебя начинают закрадываться подозрения, что странным все это время был ты сам.

Проглотив все, что было на подносе, я взял кемпинговый фонарь (ударопрочный, с резиновым основанием и кнопкой включения, утопленной в корпус) и приблизился к двери. Посмотрел направо, налево, сделал шаг вперед.

Я шел мимо отполированных темнотой стен. Почему он позволил мне проделать этот путь самому? Дважды я останавливался, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание. Одна лишь мысль о беге вызывала тошноту. Кроме того, было у меня чувство, что, выброси я еще какой-нибудь фокус, Говард снова может достать Колоду. Или нож. Нож, который он вытащил так быстро и непринужденно, словно появился на свет, сжимая его в руке. Он был моложе, в превосходной физической форме и, что самое главное, не казался ценителем виски – алкоголя вообще; лицо свежее свежескобленного черепа.

«Дэнни, ты напишешь все, что он захочет. Будешь хорошим послушным парнем. Иначе он отрежет тебе пальцы, предложит макнуть их в «церулеум» или «кобальт синий» и повозюкать по холсту. Годами будет держать тебя здесь. Звенит звонок, вспыхивает свет, течет слюна, помнишь? Продавать твои картины».

– Ему не нужны деньги, – пробормотал я.

«Это он так говорит. Ты не знаешь, что ему на самом деле

надо – помимо того, что он заставит тебя писать».

– Попросит.

«Нет, заставит. Ты хочешь этого? Чего ты хочешь, так это выбраться из этой дыры, вернуться домой и залить полные баки».

– Он не производит впечатления психа.

«Даже после того, как шмякнул тебя Колодой? Заметь, нарочно! Этот человек убил твоего пса, угрожал твоей семье, твоей женщине, следил за тобой. «Потом я узнал, кто ты...» Что еще он знает о тебе?»

– Во всяком случае, он не может знать всего.

Я еще раз свернул направо – и вышел к лестнице.

На этом марше с углом наклона около сорока градусов и небольшой шириной ступеней не разойтись двум людям. Раз, два, три, четыре, еще двадцать ступеней – и я толкнул дверь, выпуская из-под земли змею сквозняка. Если бы в камине пылал огонь, он бы в то же мгновение разгорелся сильнее, выплевывая искры.

Выключив фонарь, я уставился на каменный очаг на фоне лиловых обоев – замытых, как старые пятна крови, в которых плавал некий узор, будто остаточное изображение в глазном яблоке.

В конце длинного сумрачного коридора сверкал клочок неба. Прикрыв глаза ладонью, я остановился на крыльце, окруженный воздухом и светом, с дико блуждающим взором, пытаюсь убедить себя, что все это настоящее и не исчез-

нет, когда я проснусь в темноте подвала.

Выпал снег. Все как будто звенело – бокал, по которому отстукивают ножом, оставляя прожилки трещин. К вечеру воздух отяжелеет и медленно тронется с места, толкаясь в деревья, окна-иллюминаторы башни и в постройки Хорслейка, приводя в движение флюгер в форме лошади.

Говард прислонился к стене, уставившись на меня пустыми глазами, – тишейдами с серебристым зеркальным покрытием. Впервые мне представилась возможность рассмотреть его при свете дня. На футболку наброшена серая шерстяная рубашка в клетку, на запястье – старые Tissot с потертым ремешком и голубовато-белым циферблатом. Его волосы оказались не черные, а темно-русые – холодный оттенок, без рыжины. Кожа без малейших следов естественного румянца – скорее результат нехватки солнца, чем нездоровая бледность; я вполне мог представить его загорелым.

– Сколько времени я провел внизу? – спросил я.

– Два дня.

Я таращился на отражения своего идиотского бородатого лица в двух озерах ртути. Неужели сегодня двадцать шестое, последний четверг ноября? День благодарения. С тех пор как я похоронил Гилберта и нашел конверт, прошла почти неделя.

Раздевшись и взяв мыло, я приблизился к одному из четырех душевых кранов. Возникло ощущение, словно я иду по дну школьного бассейна: девочки направо, мальчики налево. Между кранами не было перегородок: ни дверцы, ни шторы, ни поддона, в который можно поставить шампунь. Только бледная плитка, три раковины и блестящий хром новых кранов.

– Так и будешь смотреть, как я моюсь?

– Я еще не вполне доверяю тебе.

Открыв книгу в мягкой обложке с обтрепанными углами, Говард углубился в чтение. На обложке было изображено некое строение, напоминающее Ведьмин дом. На переднем плане – кривая береза, облепленная не то ведьмиными метлами, не то черными птицами, не то их гнездами. И все это на фоне меланхоличного неба, которое вполне могло принадлежать кисти Альфреда Сислея.

Его профиль четко вырисовывался на фоне плитки. Интересно, сколько раз он ломал нос? Я не мог избавиться от мысли, что этот тип может убить меня, стоит повернуться к нему спиной. Но делать было нечего: от меня несло, как от мешка со сгнившими овощами, а флиски задеревенела от крови.

– Вода прохладная, но ты привыкнешь.

Ледяные струи ударили в плечо, точно приклад. Толчок не был сильным, и все же он едва не свалил меня с ног. Я сжал зубы, а затем, набрав полную грудь воздуха, завопил:

– Прохладная? ПРОХЛАДНАЯ? ДА ОТ МЕНЯ СЕЙЧАС ПАР ПОЙДЕТ!

И начал намыливаться.

* * *

Когда я перекрыл воду, в тишине продолжали стучать мои зубы. Говард по-прежнему таращился в книгу с отрешенным видом. Я бросился к сумке и начал быстро одеваться: натянул трусы, две пары носков, футболку, толстовку, спортивные брюки и беговые кроссовки, сверху набросил куртку. Постепенно меня перестало колотить, и я почувствовал себя в разы лучше.

Говард провел мне небольшую экскурсию по особняку. Мы шли по обветшалому коридору второго этажа, который, вероятно, ничуть не изменился за последнюю четверть века, а именно – выглядел так, будто его возраст исчислялся столетиями.

– Какое твое полное имя?

Он остановился в дверях комнаты с чучелом головы лося и камином. Теперь кровать была застелена. Вот где он спит.

– Говард Холт.

Впервые слышу. Конечно, с таким же успехом он мог на-

зваться Даффи Даком.

– Ты с Верхнего полуострова?

– Ну, я живу на Верхнем полуострове уже некоторое время.

– Ты из Мичигана?

Он промолчал. Его голос не выдавал акцента – никакого, вообще.

– Зачем тебе особняк?

– Я же сказал, что готовился к встрече с тобой.

– Хочешь сказать, что купил Ведьмин дом для того, чтобы засунуть меня в подвал?

Как курицу – в курятник, в который не представляет труда заглянуть с ружьем или с газовой горелкой для опаливания перьев.

– Насколько я вижу, ты сейчас не в подвале, – сказал Говард.

Впрочем, именно туда мы и направились.

Рулоны дорогих льняных холстов, тубики с масляными красками, разбавители. Парочка новеньких палитр. Мастихины каплевидной формы, ретушный лак, скобозабивной пистолет, скобковыниматель, плоскогубцы, щипцы для натяжки холста. Коробка ветоши, гора белых бумажных полотенец, влажные салфетки. Мольберт, аккумуляторные светильники. Пахло как в мастерских, где делают рамы и подрамники, но под сосновой стружкой притаилось что-то колкое, сухое, словно запах покинутой норы. Возможно, виной тому цементный пол.

Обводя вокруг себя блуждающим взглядом, я стоял на пороге своей студии, перенесенной в подвал Ведьминого дома, и ошеломленно молчал. Холт оставил кругленькую сумму в художественном магазине, в точности зная, что я использую и чему отдаю предпочтение.

– Я взял на себя смелость снабдить тебя готовыми подрамниками из сосны, – заметил он. – Но при необходимости могу достать подрамник того размера, какой ты укажешь.

Кистей было больше тридцати, и среди них я с произвольным облегчением заметил те, которые использовал чаще остальных. Коснулся флейца, кисти с длинным мягким синтетическим ворсом, когда мой взгляд остановился на канцелярском ноже.

– Ты подгонишь и натянешь холст в моем присутствии. Потом я заберу все, что будет мешать тебе думать исключительно о работе... Что-нибудь не так?

– Здесь нет музыкального центра.

– Знаю, – бодро сообщил Холт. – Видишь ли, я глубоко убежден, что в тишине ты найдешь то, что оставалось скрытым от тебя в грохоте музыки.

Я встретился с ним взглядом:

– Я не работаю в тишине.

– С этого дня работаешь.

– Говард, я не могу...

Его глаза утратили мягкость.

– Не бывает одного без другого: красоты без уродства, смысла без отречения, силы без боли, знания без тишины. Предназначения без жертвы. Жертва неотъемлема.

Я отвернулся:

– Когда я могу приступить к работе?

– Прямо сейчас, если пожелаешь.

Скажу так: ему не пришлось заталкивать масляную краску мне в глотку. Если между мной и свободой стоит картина, я ее напишу.

* * *

Когда Говард ушел, прихватив канцелярский нож и запев меня, я поднял голову и прислушался. От упавшей ти-

шины звенело в ушах. Я немного побродил по комнате, перебирая имеющийся инвентарь. Среди вещей нашел записку, на которой тем же почерком, что и на открытке, было написано: «Человек делает, порождает несравненно больше того, что может или должен вынести. Вот так он и узнает, что может вынести все». Подпись: «Свет в августе» Уильям Фолкнер. Вивиан наверняка читала Фолкнера.

Я замер перед холстом, натянутым на подрамник, установленным на мольберт, пытаюсь понять, что вижу. Вернее, почему не вижу ничего. Я чувствовал себя зверем, которого заперли в клетке – более тесной и темной, чем та, в которой он привык сидеть. Часть меня до сих пор надеялась, что это происходит с кем-то другим.

У меня больше не было жены, дома, бухла. Зато у меня была куча свободного времени. И прекрасный чистый холст. Я вспомнил, как стоял в дверях своей студии, гадая, когда вернусь к работе и вернусь ли когда-нибудь. Что ж, я не ожидал, что это случится так скоро.

Мне надо создать что-то, что произведет на Говарда впечатление. А что у меня получается лучше всего? Я вглядывался в холст, а руки уже перебирали тюбики с краской.

Щелкнул замок, Говард заглянул в комнату:

– Ужин скоро будет готов.

И он напомнил мне, как добраться до внутренней лестницы. Очень предусмотрительно, я уже собирался блуждать в темноте до окончания времен. Все равно часы он отобрал.

Закрыв разбавитель крышкой, я подумал о бутылке в мини-баре в Сент-Игнас. В тот же миг жажда крепко вцепилась в мои кишки. Обычно к этому моменту я уже был пьян и трудился над тем, чтобы где-нибудь отключиться.

* * *

Мы ужинали на кухне за единственным в особняке столом. Быстро расправившись со стейком, шпинатом и мини-морковками, Говард открыл книгу, которую читал в душевой. Я отметил, что толщина прочитанных страниц заметно увеличилась.

– Когда ты отпустишь меня? – спросил я, не притронувшись к еде. – Хоть примерно.

Меня тревожила наступающая ночь. Я перевел взгляд на серрейторный нож, лежавший возле тарелки, – с удобной на вид рукоятью и с зубчатой заточкой четырехдюймового клинка. Ножи с такой заточкой прекрасно справляются с

разрезанием стейков, пальцев, пиццы.

– Не думай об этом, – вторя моим мыслям, сказал Холт, прозрачные в свете кемпингового фонаря глаза бегали по строчкам. Ему приходилось придерживать книгу, чтобы она не закрылась. – Время, проведенное здесь, пойдет тебе на пользу.

– Значит, рано или поздно ты отпустишь меня.

Он кивнул.

– После всего, что я сделал.

Уголки его губ дрогнули.

– И не тронешь мою семью.

– Если ты прекратишь искать легкие пути.

Я снова уставился в тарелку – складную, со стенками из силикона, – на стейк в окружении овощей. Многие домохозяйки испытали бы трепет и унижение перед такой подачей. Я был голоден, но без аппетита.

– И все? – вырвалось у меня.

Наконец Говард взглянул на меня:

– Тебе мало?

– Ну вообще-то я был уверен, что ты убьешь меня.

– Разве это не по твоей части?

Я взял легкую вилку, серрейтор, отрезал от стейка кусок и затолкал его себе в рот. Мясо оказалось бесподобным, однако я, не раздумывая, предпочел бы ему одну-единственную бутылочку из мини-бара. Открыть, налить, опрокинуть, расслабиться. Но это был бы легкий путь, верно?

– Депрессивная обложка, – проговорил я с набитым ртом.

Холт поднял книгу, чтобы я смог разобрать название романа и автора.

– И что, – я продолжал апатично жевать, – мертвые души этого Гоголя разгуливают по лесу?

– Ты можешь прочесть роман после меня.

– Если бы я хотел читать, – огрызнулся я, сдвигая мини-морковки на край тарелки, – то отправился бы в книжный клуб, а не в Хорслейк.

Вновь уткнувшись в книгу, Холт поинтересовался:

– Художники никогда не моют руки, верно?

Мои руки были в засохшей краске, и едва ли меня это беспокоило.

После ужина, убедившись, что нож остался на столе, а не переместился в мой карман, Говард отвел меня обратно в конуру с земляным полом и дверью, обитой металлом. Тело изнутри стало ледяным, во рту пересохло, я туго завернулся в спальник и попытался поверить, что проснусь на Холлоу-драйв.

* * *

Мне показалось, что я проснулся практически сразу. Почему так темно? Кажется, я на борту самолета, в теплой колыбели одеяла, в салоне не горит свет, и я вроде бы могу разглядеть синюю нить горизонта, над которой громоздят-

ся тучи. Я начал погружаться обратно в сон, словно падал в ружейный ствол, катился по нему, все быстрее и быстрее, как по горке, смазанной кровью, в темноту, пахнущую картофельным клубнем... когда нить лопнула и иллюзию раскололо понимание, что в самолетах нет таких одеял.

Значит, я в отеле. Даже убедил себя, что слышу вой пожарной машины, несущейся по 59-й Вэст-стрит, и запах роз в вазе на прикроватном столике – нежный, изысканный, с теми же нотками сырости.

Я на ощупь продвигался вдоль стены. Должно быть, чертовы шторы на окнах высотой от пола до потолка, к тому же наглухо задернуты, раз не видно огней города – вообще ничего.

Дэнни, чувствуешь? В воздухе потянуло жареным. И это не вспыхнувший холст.

Я был заперт в горящем отеле!

Я начал носиться по комнате с воплем, рвущимся из гортани. Внезапно обо что-то споткнулся и растянулся на земле. Кемпинговый фонарь! Яркий свет вернул меня из-за черты помешательства обратно в подвал Ведьминого дома. Дрожа, я заполз на матрас и еще долго не мог перевести дыхание.

* * *

Проснувшись, я какое-то время продолжал лежать, крепко зажмурившись, потом саданул себя кулаком по лицу и,

подождав с минуту, открыл глаза.

Каменные стены, земляной пол. Дверь приоткрыта. Наверху, Говард отпер меня, пока я спал.

Прихватив фонарь, я поднялся наверх, следуя уже знакомым мне путем: один поворот налево, два – направо. Дом встречал меня темнотой и стылым камином. На обеденном столе стояла лампа. Я подергал кухонные ящики – заперты. В шкафах было полно еды – и ни одного острого предмета.

Тогда я выглянул в щель между досок.

Говард бежал по целинному снегу по направлению к дому, работая руками, выдерживая ровный, неустанный темп. Он был в тонкой ветрозащитной куртке, флисовой кофте, тайтсах, поверх которых надел спортивные шорты; гейтор, перчатки, шапка, зимние трейловые кроссовки с шипами в подошве. Все черное. Я смотрел, как бежит человек, который два года назад полз по дороге, подтягивая ноги, прочь от красного сияния тормозных огней моего автомобиля. Как он выжил? Как добрался до больницы? Что делал ночью в лесу?

Когда хлопнула входная дверь, я молот кофейные зерна в компактной ручной кофемолке. Говард прошел в кухню, на ходу снимая рукавицы, гейтор и шапку и бросая их на стол. Его лицо покраснело от холода, от одежды исходила колючая прохлада, наэлектризованные волосы он небрежно завязал в хвост.

– Как спалось?

Я промолчал.

Холт достал из шкафчика большую коробку «Фростед Флейкс»⁷.

⁷ «Фростед Флейкс» – глазированные хлопья Frosted Flakes, чьим маскотом является тигр Тони.

Существует три вида людей, которые выпивают: те, кто умеет пить, те, кто не умеет пить, и те, кто пьет по-черному. Я умел пить, но часто пил по-черному.

Что делать, когда ты не бухаешь? Работать. Что делать, когда ты не работаешь? Бухать. Конечно, так было не всегда. Но рано или поздно я начинал нестись вниз по нисходящей спирали. Я терял все постепенно, а двадцатого ноября лишился всего и сразу. Отчетливо увидел, как за мной закрылась дверь. Или передо мной? В любом случае какие-то двери закрылись, возможно, навсегда, но оставалось еще много других дверей – да, в Ведьмином доме.

Даже когда все разваливается на куски, часть тебя находит радость в боли, крови и хаосе. Когда умер Джеймс, я не остановился. Не остановился, когда сбил Говарда, когда ушла Вивиан.

И вот он был, мой шанс.

* * *

У меня выработался четкий распорядок: я поднимался на кухню еще затемно, завтракал, спускался обратно в подвал, работал до полудня, набрасывался на еду, которую Говард оставлял на подносе под дверью (о том, что уже полдень,

сигнализировало появление подноса), возвращался к работе, мыл кисти, чистил палитру и поднимался к ужину. К тому моменту уже темнело. Я мог отправиться на короткую прогулку к озеру, а мог устроиться напротив камина. Говард позволил мне гулять на длинном поводке.

Он синий? Твой поводок – синий?

После ужина я заползал в спальник и тут же отключался.

Для меня стал привычен маршрут из подвала на первый этаж, я мог проделать его с закрытыми глазами: как из моего «президентского люкса», так и из студии.

После того как полотенце набиралось краски и растворителя, я бросал его в старую плетеную корзину для белья, которую Говард регулярно опустошал. Я использовал как бумажные, так и тканевые полотенца. Кисти промывал следующим образом: смочив ворс в проточной воде, круговыми движениями водил им по поверхности мыла, пока не образовывалась пена. Чистые кисти раскладывал на полотенце на полу душевой, предварительно расправив ворс и уложив его волосок к волоску.

Время от времени у меня начинали трястись руки, и я был вынужден прерывать работу. Ходил по комнате, разминал пальцы.

Первое время я возвращался в подвал сразу после ужина, но постепенно стал задерживаться наверху. Вскоре я разделил с Говардом обязанность по колке дров. Начал читать «По направлению к Свану» Пруста. Отчасти – из-за Утвиллера,

который прочитал все семь томов из цикла «В поисках утраченного времени», и я держался за мысль, что однажды расскажу ему о своем подвиге. В основном – из-за отсутствия личных предпочтений. Я не любил читать и внезапно не полюбил, просто чтение оказалось не хуже любого другого способа заполнить вечера. Почему бы и нет? Благо хватало меня ненадолго.

В один из таких вечеров я поинтересовался, почему на месте одного из проемов в подвале – кирпичная кладка. Говард ответил, что понятия не имеет. Но лестницу заменил ты? Легкая улыбка. Что насчет хода с низким потолком и гладкими каменными стенами? Кто его пробил, для чего и куда он ведет? Вот тут Холт мог... должен был сказать, что не знает. Но он промолчал.

По этой причине я не отважился спросить о панцирной кровати.

Не уверен, что хуже: молчание или правда. Молчание подтверждает все твои домыслы, а правда, как правило, страшнее самых страшных из них.

Через несколько дней Говард бросил на стол колоду карт. – Только скажи, если тебе потребуется утешение после провальной игры. – Я взял колоду и не глядя начал ее тасовать. – Могу полежать рядом, пока ты не убаюкаешь себя слезами. Потому что, черт возьми, я тебя уничтожу.

Говард усмехнулся, завязывая волосы в хвост. Я заметил, что его глаза могут менять оттенок. Кажется, это зависело

от окружающего пространства, в котором чередовались то тени, то свет и, отражаясь в его радужке, влияли на ее оттенок. Как синева неба: чем меньше в атмосфере дымки и влаги, тем более насыщенным и глубоким получается цвет. Что, если на самом деле его радужка бесцветная, просто внутри ее свет ведет себя как в атмосфере – рассеивается в голубую часть спектра?

– Значит, карты, – продолжал я. – Это и есть твоё хобби? Нет? Тогда что? Книжный клуб? Кулинария? Гитара?

Он коротко глянул на меня.

Играл Говард из рук вон плохо, но ему постоянно везло. Как-то я пообещал вырвать ему печень, если он выиграет ещё хоть раз. И он выиграл. Трезвая злость ощущалась иначе: ею было проще управлять, в то же время она жгла больнее.

Проведя какое-то время в особняке, я начал сомневаться, кто в кого пророс: Говард в дом, лес и озеро или это они возникли вокруг него.

Нравился ли мне Холт? Нет. Но он обладал чертами, которые я находил... располагающими. Он был терпелив, умел слушать и ему было что сказать.

Но, конечно, это не отменяло того, что он сделал. Того, что сделал я.

Откуда у него деньги? С южной стороны особняка была припаркована белая «Тойота ФДж Круизер», а один кемпинговый фонарь, которых у него было до полудюжины, стоил

двести баксов. Не говоря уже о том, что он оборудовал мне студию в доме, который купил. Совершенно точно, в деньгах Говард не нуждался. Может, у него богатый папочка? Эта мысль показалась мне дикой. С трудом верилось, что у таких, как Холт, есть родители. Что его родила женщина, а не какая-нибудь волчица. Может, он даже приезжает на семейные обеды.

Теперь я постоянно думал о кровавом следе, ведущим под деревья. Так сбитый волк пытается уползти в подлесок. Разумеется, стукни его по-настоящему сильно – и никуда он не уползет. Да, Говард был крепким – крепче, чем когда-либо был я. Но не бессмертным; об этом свидетельствовала кровь на дорожном полотне.

Кое-что начало складываться у меня в голове. Я не просто причинил Говарду боль, а напугал его. Что-то подсказывало мне, что это с ним случалось нечасто. Может, мне удалось то, что прежде не удавалось никому: причинить боль и напугать Говарда Холта.

И вот тут-то вставал куда более волнительный вопрос: кем он был? Кажется, впервые у меня появился какой-никакой ответ: кем-то вроде охотника, только некоторая его добыча ходила на двух ногах.

* * *

Когда озеро сковало льдом, а на льду образовался снеж-

ный перемет, произошли два события. Первое: Говард перестал запира́ть дверь. Я знал, что она не заперта, но теперь в подвале меня держала не дверь, а картина.

Второе: я начал чувствовать себя лучше. Это не произошло за один день, я не проснулся, радуясь трезвости, но потихоньку научился чувствовать себя комфортнее в ней. Вроде кожанки, которая жмет в плечах, однако со временем разнашивается.

Я по-прежнему не был до конца убежден, что выпивка не заслуживает моего внимания, а я – ее. Вряд ли это когда-нибудь произойдет. Скорее всего, если бы мне вложили в руку бутылку, я бы сказал: «А пошло оно к черту». Да что там! Конечно, так бы и сказал. И накатил.

Алкоголь был для меня чем-то вроде болеутоляющего – сжимал, словно сетчатый питон, пока кости не начинали трещать. Но даже это изнурительное объятие я всегда принимал с благодарностью. Так жар делает мир ярче и чище. Часть меня рвалась в жар и только там, в огне, обугливаясь, находила успокоение.

В подвале не было кровати из массива дуба, пледа из шерсти, шелка и кашемира, меховых тапочек, роскошной отделки стен, но именно здесь я прекратил просыпаться в тумане похмелья и выбираться из собственной блевотины.

Говард поджег лучину. Березовые поленья занимались неохотно, но горели дольше сосновых и давали больше тепла.

– У нас заканчиваются припасы, – заметил он, поднимаясь на ноги.

Повседневные закупки, подсказал внутренний голос. Помнишь, что это такое? Кто отправится за повседневными закупками? Это будет Вивиан? Это будет Зак? Или ты, Дэнни? Это будешь ты?

Я оторвался от книги, которую пытался читать при свете фонаря. Под синим ветхим пыльником прятался твердый тканевый переплет со сбитыми углами. Издание 1956 года, шестьсот одиннадцать затхлых страниц.

Чертов Пруст, подумал я и с глухим стуком захлопнул книгу.

– В Парадайс есть супермаркет.

– Добыть мясо можно лишь убив живое существо.

– Я множество раз ходил на охоту, – огрызнулся я, – и знаю порядок действий.

Говард широко улыбнулся:

– Но ты не ходил на охоту со мной.

Мне между глаз будто вбили строительный оцинкованный гвоздь. Улыбка полностью преобразила его лицо; я увидел

в нем мальчишку, который крутит педали велосипеда – так быстро, что ветер гудит в ушах. Мальчишку, долговязого и нескладного, который гоняет по лужам, перепрыгивает сразу через несколько ступеней, вытирает шапкой раскрасневшееся на морозе лицо. Хвалил ли его отец? Взьерошивала ли ему волосы мать?

* * *

Завтра был ранний подъем, и я перенес вещи в комнату второго этажа, с широкой кроватью (вторая кровать была в комнате с чучелом головы лося, и на ней спал Холт). Лес за окном простирался покуда хватает глаз – гравюра, выполненная в технике офорт, когда штрихи и линии процарапываются иглами, после чего металлическая пластина помещается в кислоту для более глубокого травления.

– А как же наша пижамная вечеринка? – буркнул я, раскладывая спальник на голом матрасе.

Говард стоял в дверях, за освещенным кругом.

– Знаешь. – Я провел пальцем по деревянной спинке, чувствуя прикосновение обугленного металла, оставшегося в подвале. Отель «Конец Света». – Как-то раз я перестрелял соседских кур из ружья.

– Почему?

– Мне было скучно. – Я вытащил фотографию Вивиан из внутреннего кармана куртки и положил ее возле спальни-

ка. — А еще я был пьян. Вспышки озаряли стены курятника. Куры забились в дальний угол. Одной я отстрелил голову, а она начала носиться по курятнику. Я хохотал до слез и продолжал смеяться, когда лег мордой в землю с поднятыми руками. Я признал свою вину и был приговорен к восьмидесяти часам общественных работ, девяноста дням испытательного срока, выплате штрафа в размере десяти тысяч. Ах да, и посещению собраний Анонимных Алкоголиков.

То есть Послушных Парней.

Разувшись, я забрался в спальник.

— Единственное, о чем я жалел, — когда прибыла полиция, в кармане моего халата оставались патроны, а в курятнике — куры. Я переехал на Холлоу-драйв, все равно прежние соседи мне не нравились. Непристойное поведение, нарушение общественного порядка, общественное пьянство, сопротивление при аресте, обнажение... В этих делах у меня всегда был надежный сообщник.

— Тебе не хватает его? — спросил Говард.

Я выключил фонарь и отвернулся к стене.

Грунтовка закончилась, мы проехали мимо фигурки зайца – той самой, которая напоминала штудию Дюрера, – и выехали на Главную улицу. Церковь проплыла мимо, сугробом вздымаясь в небо. Крест вынырнул и снова погрузился в темноту. Закусочная слева, «Хорслейк Инн» и мой внедорожник – справа. Затем строения закончились, но дорога вела дальше, в коридоре гигантских елей, к шоссе 123.

Свет фар пронесшегося мимо автомобиля выхватил из темноты наши бледные сосредоточенные лица. Когда через четверть часа Холт свернул с шоссе на проселок, я почувствовал себя спокойнее. В моей груди уже нарастало напряжение, известное всем охотникам.

* * *

На востоке поднималась луна. Говард привязал к бечевке чистую тряпку, на которую налил средство, имитирующее запах выделений самки оленя. На нас были одинаковые каучуковые сапоги; подошву Холт обработал нейтрализатором запаха в виде аэрозоля. Перед отбытием я также принял душ с блокатором запаха и надел новую одежду.

Темнота поредела на западе. Было около семнадцати градусов. Говард шагал в десяти футах позади. У него было ру-

жье и бечевка с тряпкой, которую он волок за собой, у меня – бинокль. Сквозь далекий рев толпы прорывался голос спортивного комментатора: «Никакого оружия для Митчелла по вполне понятным причинам! Случись такое с другим джентльменом, впору было бы говорить о провале. Но Дэни Митчелл – не всякий джентльмен. Его умению держать маску и сохранять присутствие духа может поучиться любой из его честолобивых коллег. Впрочем, с биноклем и в каучуковых сапогах вряд ли когда-нибудь он смотрелся более жалко».

Я поглядывал на Холта. Из-за длинных рук и ног он мог показаться нескладным, но это ощущение пропадало, когда он бежал или брал в руки топор, нож или ружье. Рядом с ним – и в его руках – вещи казались меньше, чем были на самом деле. Когда он прошмыгивал в комнату, его присутствие невозможно было игнорировать. Такие типы не станут крушить все вокруг и в порыве ярости поднимать руку на женщину. Правда, это не значит, что он не делал много чего другого.

Каждые сто ярдов Говард добавлял на ткань немного ароматизатора. Мы прошли расстояние в два футбольных поля, когда деревья вместе с густым кустарником закончились у подножия холма. Граница леса и поляны с нетронутым снегом была четкой, словно удар топора.

Говард бросил тряпку с бечевкой на один из кустов. Поднявшись на холм, мы устроились в засаде среди веток, сохра-

няя молчание. В безветрие олень способен услышать приближение человека за четверть мили. А также – учуять. У оленей настолько развито обоняние, что они могли бы передвигаться с закрытыми глазами. Ты не подберешься к нему даже на расстояние выстрела, если не обманешь его нюх.

Умирающая луна плыла над головой; с первыми лучами солнца она достигнет зенита и начнет падать.

* * *

Когда рассвело, поднялся ветерок, дувший нам в спины. Ветер слегка перебирал верхушки деревьев, но тряпка в ста ярдах внизу висела неподвижно. Солнце всходило за нашими спинами, и тень холма лежала обелиском.

Примерно в девять, судя по положению солнца в небе, среди зарослей кустарника показался самец белохвостого оленя. Принюхиваясь задранным вверх носом, он не спешил покидать укрытие. Несколько раз ударил копытом по снегу. Опустил голову к земле, поднял, осмотрелся. Левое ухо непрерывно подергивалось.

Затем вышел на поляну, прямиком к своей гибели.

Я представил, как, найдя просвет в ветвях, навожу перекрестие прицела ему в плечо и на выдохе тяну за спусковой крючок.

Ну же, Холт, достань его.

Но время шло, ничего не происходило. Вдруг олень по-

вернул голову, глянув чуть левее нас, после чего большими прыжками унесся обратно под деревья.

Я опустил бинокль и уставился на Говарда. «Я не стану злиться, это глупо», – сказал я себе. Но, конечно же, я злился. Не настолько, чтобы ударить его (вероятно, не настолько), но где-то около того.

– Какого черта? – прошипел я. – Это был первоклассный, мать его, олень!

– Это не тот, ради кого мы здесь, – ответил Говард, взгляд его бледно-голубых глаз, кажущихся еще пронзительнее под открытым небом, все так же был направлен на деревья. – Да, он большой, может, четыре с половиной года, но он еще не достиг пика своего потенциала. Дэнни, самое трудное – отпустить, когда остается только нажать на спуск. Но это необходимо. Где-то здесь ходит огромный самец. Ты все поймешь, когда увидишь его.

– Заткнись, – огрызнулся я, отворачиваясь. – Первый, мать его, класс. И он достанется кому-то другому.

* * *

Ближе к полудню из-за деревьев возник еще один олень. Клянусь, я разучился дышать. Осторожно ступая по снегу, он выбрался на поляну и высоко поднял голову. Его нос был заполнен запахом оленихи. Мои ладони вспотели, во рту пересохло, я припал к биноклю. Толстая шея, плотное тело,

слегка обвисший живот. Господи, он был огромен, настоящий монстр! Двести пятьдесят фунтов, не меньше. Шесть с половиной лет.

Звук выстрела широко прокатился по лесу. Пуля с небрежной эффективностью ударила аккуратно над левой передней ногой. Олень сорвался с места и здоровенными прыжками унесся обратно в лес. Я проводил его взглядом и опустил бинокль, широко улыбаясь.

* * *

Десять минут спустя мы стояли над ним. Самец лежал на правом боку с остекленевшими глазами. Это были те же коричневые красивые глаза, но со смертью из них ушла осмысленность. Я взял его за огромные рога, оленья голова подавалась, точно бескостная, из носа и рта капала кровь.

— Ты был прав, — сказал я, коснувшись все еще теплого горла. — Это самый большой самец, которого я когда-либо видел. И, уж точно, которого когда-либо добывал. Хотя технически его добыл ты.

Говард прислонил ружье к сосне, снял куртку, закатал рукава на шерстяной рубашке и подтянул штанину. На щиколотке были ножны. Расстегнув их, он достал нож: рукоять из темной древесины со вставкой из бересты, меньше его основного ножа.

И протянул клинок рукоятью вперед.

– Ты серьезно? – Я взял нож. – Спасибо.

А сам подумал: не им ли он надругался над Гилбертом? Мысль, впрочем, не задержалась в голове.

– Надеюсь, мне не придется напоминать...

– Холт, – я начал лыбиться, – плевать я на тебя хотел, когда передо мной лежит столько мяса.

Его глаза горели, но этот огонь был ледяным – цинковые белила, которые нанесли на холст толстым мазком, а остатки подобрали мастихином. Я не мог больше выносить их немигающей пристальности и отвел взгляд.

Нож идеально лег в ладонь; до него этим могли похвастаться три вещи: мой охотничий нож, бутылка и кувалда.

– Если правая рука – то, кто ты есть, – негромко заметил Холт, – то левая – то, чему ты научился.

Ухмыльнувшись, я переложил нож в левую руку. Рассекая мышцы брюшины оленя, сделал надрез от ануса до горла и вывалил в снег внутренности, тут же протопившие в нем углубление; от них шел пар.

* * *

Верхушки деревьев напоминали зажженные факелы, тени наполняли впадины в снегу. Когда солнце опустилось ниже, тени расползлись, словно змеи, и лес накрыла глубокая тишина. К тому моменту мы вырезали все, что могли унести: в первую очередь филей, расположенный параллельно хреб-

ту, в последнюю – окорок.

– Из него мог бы выйти превосходный охотничий трофей, – заметил я. В паутине ветвей запутались глухие декабрьские сумерки. В ускользающем свете мои руки были темными от крови, рукава флиски одеревенели. Воспитание в себе аккуратности требует волевых усилий, а мне сила воли нужна была для других задач. – Мы оставим его так?

– Еще до конца ночи от него ничего не останется. – Говард вытер о штанину клинок своего основного ножа, потом, не глядя, сунул его в поясные ножны. – Проголодался?

После целого дня, проведенного на воздухе, у меня разыгрался зверский аппетит. Я был готов сожрать мясо сырым, зубами разрывая жесткие волокна.

– Еще бы!

– Если попросишь полную прожарку, – заметил Холт, очищая руки о снег, – я буду вынужден отказать тебе.

Расстегнув воротник-стойку, я подставил разгоряченную шею под ледяное лезвие наступающей ночи.

* * *

Говард сходил к машине и вернулся с топором, чугунной решеткой и сумкой с каким-то барахлом. Пока я заканчивал с оленем, он разжег костер. Филей он промыл, нарезал на куски и поместил в брусничный маринад. Когда дрова прогорели, оставив после себя слой мерцающих углей, Холт бро-

сил темно-красное мясо на чугунную решетку, смазал все оливковым маслом и пристроил решетку над углями.

Без преувеличения, это был лучший ужин в моей жизни. Вкус оленины ни с чем не спутать, а вкус свежеприготовленной оленины, вырезанной собственными руками, подобен пению ангельского хора. Я проникся искренней симпатией к своему таланту к свежеванию.

– Как насчет короткой молитвы? – предложил я, вытирая бороду о рукав флиски. – Может, посидим и подержимся за руки? Поклоняясь одному из кровавых богов.

– Некоторые боги невероятно стары. – Говард хмыкнул с набитым ртом. – Старше страха человека перед темнотой.

Позже он подложил дров в костер, растопил снег в котелке и приготовил пойло из еловых веток, которое почему-то называл чаем.

– Когда ты видел его? – спросил я, прихлебывая из кружки.

– В прошлом году, в начале октября. Лес пах недавно прошедшим дождем, над деревьями поднималась луна. Сама природа толкала оленя передвигаться в светлое время суток в поисках самки. Внезапно я остановился. Подняв голову, самец сверлил меня взглядом. Он стоял в двадцати ярдах, капли дождя блестели на шерсти и рогах. Он был готов к бою, искал малейший предлог. Я как можно медленней передвинул приклад на плечо, когда он развернулся и унесся прочь.

Мы молча смотрели на огонь.

– Сейчас бы чего-нибудь покрепче драных еловых веток, – сказал я. – Например, бутылку дорогого шотландского виски, хранившегося годами. Тебе бы тоже перепало.

– Можно заехать в Парадайс.

Я медленно повернул голову и уставился на Холта, не пытаясь подобрать отвисшую челюсть.

– Значит, я могу зашибить муху?

– А ты хочешь?

Скажи «да». Ну же, открой свой гребаный рот и скажи «да, да, да». Я открыл рот:

– Не знаю. Говард? Как сильно я тебя стукнул?

– Я бы не сидел здесь, едь ты на пять миль быстрее.

Я вглядывался в его лицо, на котором метались красно-оранжевые отсветы костра, словно крылья горящих птиц. О чем он думал? Я ехал со скоростью сорок миль в час, столкновение в любом случае должно было убить его. Тот кровавый след... Наверняка я сломал ему ногу, может, обе. Не исключено, что руку. И ребра. Как он выжил? Как добрался до больницы?

– Как ты освободился от боли? – тихо спросил я.

Огонь был таким ярким, что вокруг нас на снегу лежали тени.

– Никак, – ответил Говард. – Она по-прежнему со мной, однако теперь я могу жить с ней.

– Таблетки?

– Первое время. Рано или поздно медикаменты перестают помогать.

Точно нога, подумал я. Но он не хромает. Прошло два года. Дело не в том, сколько прошло, а в том, что он выбрал встать на ноги. Остеосинтез? Очевидно. Долгие месяцы физиотерапии, попытки восстановить подвижность. Тот, кто привык бежать, заново учился ходить: сгибать ногу, сидеть, стоять, все дольше с каждым днем, делать первые неуверенные шажки. Я представил Говарда в больничной палате, с бледным лицом, опирающегося на костыли. Должно быть, у него было много времени на размышления. И первым делом он идет – и не убивает меня.

– Я тоже могу жить со своей болью, – пробормотал я, отворачиваясь от огня.

– Нет, ты перекладываешь ее на других, хотя она целиком и полностью принадлежит тебе. Лишь заглянув ей в лицо, ты сможешь принять ее.

– Но болеть не перестанет.

Холт пожал плечами:

– Точно.

– Говард... Какое у нее лицо? У твоей боли.

Он глянул на меня, но ничего не ответил.

Я помню двух Джозефов Митчеллов. Первый читал мне перед сном, катал меня на шее, позволял держать фонарь, когда он лазил под капотом своего грузовичка, учил ездить на велике, бежал со мной на руках, пока я заливал все своей кровью.

Красные капли на снегу.

Второй шипел сквозь зубы, чтобы я держал ложку правильно («Возьми чертову ложку правильно своими кривыми пальцами»), поднимал руку на мать, на меня, когда я нарушал правила, о существовании которых даже не подозревал. И вечно торчал в гараже. Садовые инструменты висят на крюках, будто инструменты на поясе Говарда; у каждого — свой крюк и предназначение. Ножницы для живой изгороди, секатор и пила садовая для веток. Кованая коса для травы. Изолента для мусорных мешков. Топор для дров.

Я представлял, как отец сидит и смотрит в одну точку остановившимся взглядом. О чем он думал? На что решался? Я бы ни за что не осмелился подсмотреть.

Иногда его шаги останавливались за дверью в мою комнату. Скрип половиц, звук его дыхания. Как-то он простоял так целый час. Прислушивался. Ждал, когда я засну. В какой-то миг дверная ручка начала поворачиваться. Я набрал полные легкие воздуха, крик застрял в пересохшем горле.

Дверь распахнулась, и там была мама.

В такие моменты я почти хотел, чтобы их не стало: и отца, и его двойника. Чтобы он покончил с собой, как отец Рэнди Скотта, который повесился в лесу и провисел день на жаре. Когда его нашли, он весьма потерял форму: лицо раздулось, потемнело и было облеплено мухами, а во рту торчал кляп со следами рвоты. Рэнди рассказал нам все, когда мы возвращались с реки, катя велики рядом с собой – было слишком жарко, чтобы крутить педали.

Джозеф Митчелл действительно повесился, только годом позже.

В начале мая, за неделю до того, как я попал в больницу, отец пришел ко мне ночью. Открыв глаза, я увидел, что он стоит возле моей кровати. Высокая всклокоченная фигура, резко пахнувшая виски. Это был тот, второй, который торчит в гараже и крушит мебель до утра. Мой мочевой пузырь тут же посоветовал мне расслабиться. Сырое одеяло, сырая простыня, пижама, матрас. Уютная сырость.

Но у двойника был голос отца – тихий и мягкий, которым он читал мне на ночь и командовал передать гаечный ключ. Он подоткнул мне одеяло, говорил со мной.

Через неделю я проснулся посреди ночи от першения в горле и спустился на кухню глотнуть сиропа из корня солодки. Во время приступов кашля мама давала мне сироп солодки; когда она отворачивалась, я мог хлебнуть прямо из баночки – вязкий, сладкий, парализующий яд. Потом я узнал,

что лакричные конфеты делаются из корня солодки, и с тех пор не прикасался к сиропу. Хотя, конечно, причина была в другом.

Кто-то стоял сбоку от двери.

– Мама?

Фигура чем-то махнула в мою сторону, будто отгоняла муху. Что-то горячее полилось на пижаму, застучало по полу. «Это сироп», – подумал я. Вязкий, сладкий, парализующий. И опустился на колени, не издав ни звука. Я глотнул из баночки и пролил на пижаму, вот в чем дело.

Долгий миг отец смотрел на меня, а я – на него. Затем зажал мою рану пальцами и завопил:

– Ди, вызывай «Скорую», Дэнни порезался!

Если бы не быстрота реакции отца, я бы умер в течение трех минут. Ах да, будь порез чуть выше, у меня не было бы ни единого шанса.

Я сказал, что взял нож, чтобы открыть крышку на сиропе от кашля. Полицейские и социальный работник явно были недовольны моим рассказом. Но я не жертва, понимаете? Никогда ею не был.

* * *

Меня словно хлопнули по лицу сырым полотенцем, от которого по телу расползся липкий холод.

– Зак? – пробормотал я, в первые мгновения решив, что

нахожусь в доме в Ньюарке и брат дерзнул подкрасться ко мне и отомстить за... В общем, поводов у него всегда хватало.

Перевернувшись на бок, я схватил его за руку. «Попался, говнюк», – застряло в горле, когда рука прошла сквозь воздух и сжалась в кулак.

Я открыл глаза. Комната наполнилась тенями. Что-то необъяснимое, но совершенно осязаемое заставило мой желудок заледенеть.

– Говард?

Меня схватили за ноги и выдернули с кровати. В легких образовалась жуткая пустота. Свет ударил в лицо. Когда я попытался встать, Холт поставил колено мне на грудь.

– Слезь с меня, ты, сука! – прошипел я, временно ослепнув.

Он обыскал меня. Когда наконец его чертово колено исчезло с моей груди, я вскочил и смотрел, как он переворачивает матрас.

– Что ты делаешь? Как видишь, матрас сухой. Трезвым я, как правило, не дую под себя. Хотя пятна там все же есть. Знаешь, по ночам бывает очень одиноко.

Говард развернулся ко мне, волосы упали на бледное лицо. Он был в черной футболке и спортивных брюках.

– Где он? – спросил он тихо.

– Не знаю, о чем ты. Вообще-то я по старинке «душу гуся»...

– Нож. Где он?

Секунду я таращился на него, потом закинул голову и расхохотался. Ничего не мог с собой поделать.

– Ты забрал его, помнишь? Сунул в ножны на щиколотке. Свой чертов нож. Тебе что-то приснилось? Может, что я собираюсь перерезать тебе горло, пока ты во власти Морфея? Ты, гребаный псих. Во-первых, я еще не настолько выжил из ума. Во-вторых, для тебя, Холт, клянусь, я выберу что-нибудь повнушительнее лезвия шириной в полтора дюйма.

Говард таращился на меня. Казалось, его глаза сжигают кислород в комнате.

– Ты не доверяешь мне, – сказал я.

– Я никому не доверяю. Особенно тебе.

Все еще настолько уставший, что готов был заснуть на битом стекле, я поднял спальный, бросил матрас обратно... и резко выпрямился, чувствуя холод, разливающийся в груди.

Звук поднимался из леса, разносясь под звездами, пока не стало казаться, что пол под ногами вибрирует. Когда он медленно угас, упала такая тишина, что можно было услышать, как каждый волосок на моем теле встает по стойке «смирно».

– Что за чертовщина? – пробормотал я, потянувшись к лампе.

Старый юпер был прав. Что бы ни издавало звук такой мощи, оно было большим. Я представил нечто мохнатое, продающееся сквозь подлесок. И вряд ли оно носит ботинки четырнадцатого размера. А если бы оно объявилось, пока я

торчал в палатке? Разрядить пистолет ему в лицо? Пальнуть сигнальным патроном в глаза?

Говард выключил фонарик и прошмыгнул к окну, бесшумно ступая босыми ногами.

– Не зажигай света, – предупредил он.

– Почему?

Звук снова начал набирать силу. На этот раз он прозвучал ближе. Интересно, если бы вокруг дома были датчики движения, они бы уже сработали? Я почти захотел оказаться в подвале, за дверью, обитой железом, с ружьем в обнимку.

Усилившись до вопля, пронзающего барабанные перепонки, звук опять сошел на нет, теперь доносясь слабеющим эхом.

Прилив-отлив.

Бездонная темнота за окном, казалось, пульсирует. Ни с того ни с сего я представил крест церкви Хорслейка, белеющий в темноте.

– Что это кричит? – Я говорил хриплым напряженным голосом.

– Зовет. Это зов о помощи. Но не на каждый зов о помощи следует отзываться. – Говард не отрывал от леса глаз – горящих так, будто у него температура, скорее всего, просто отразивших толику звездного света. – Может, это пума.

– Но это не пума.

– Да, пожалуй.

Звук не повторился. В тишине прокричала сова. Я забрал-

ся в спальник и отвернулся к стене; слышал, как Холт идет к двери, но не то, как она закрылась. Утром я скажу себе, что все это мне приснилось. Так я и сделал.

Вытирая кисть тряпкой, я смотрел на картину, беззвучно шевеля губами. Слепящее зимнее солнце, бесцветное небо, сухие стебли, пучки жухлой прошлогодней травы и холм – холодного белого цвета, с легким голубоватым оттенком и беспокойной тенью от ветвей березы.

Когда работа близилась к концу, я поместил на холм фигурку мальчишки в легкой курточке и сапогах. Он взбирался на пригорок, к криво растущей березе. Что-то тревожило его, он куда-то спешил, даже куртку не застегнул. Порыв ветра разметал пшеничные волосы, почти сорвал с головы шапку, одна рукавица осталась лежать в снегу.

Я знал этот холм, вырос рядом с ним. Казалось, снова мог взобраться на него, прямо из подвала, остановиться на вершине и понять что-то важное для себя. Или о себе? За холмом несла свои воды река Элк, а предшествовал ему забор, из которого торчали штыри.

Говард стоял и смотрел на картину.

– Ну? – спросил я.

– Она великолепна.

Я ощутил холодок, скользнувший по позвоночнику.

– Но, – сказал я. – Есть одно «но».

– Ты мог постараться увидеть его лицо.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты нарисуешь еще одну картину.

Моей первой реакцией было «эй, погоди, что ты такое говоришь». Моей второй реакцией было намерение убить ублюдка.

Я кинулся вперед, головой тараня живот Холта. Мне дважды удалось ткнуть его кулаком, когда ударил он. Я вылетел в коридор. Хрипло втянув в себя воздух, попробовал встать, с ртом, полным крови, и не смог; так всегда бывает после хорошего тычка в физиономию.

– Дэниел, мне показалось, ты немного не в себе.

– Что не так с картиной?

– Ты можешь лучше.

– Я не пишу лица.

Холт убрал нож.

– Когда я увидел твои работы, я подумал: на что еще он способен? На то же, что и ты? Или на большее?

– Я не пишу лица, – повторил я, сплевывая кровь и осторожно касаясь носа.

– Если ты позволишь себе, ты превзойдешь их всех.

Я вытаращил глаза:

– Что? Позволю себе? Ты вообще слышишь, что я говорю, придурок? Или ты оглох?

– Смею лишь надеяться, что мой скромный вклад станет частью мастерства, движущего тебя к высочайшим вершинам.

Я затрясся от плохо сдерживаемого хохота. Глядя на Го-

варда плачущими от смеха и боли глазами, покачал головой:

– После того как ты двинул меня Колодой, я не ждал многого от времяпрепровождения в подвале, но это пытка! Просто, мать его, пытка! Я больше не пишу лица, Холт, и ничто этого не изменит!

Не знаю, кого я в тот момент ненавидел сильнее: себя или Говарда. Ладно, он хочет, чтобы я продолжал писать. Что в этом плохого? «Холм» был одной из лучших моих работ. И мне не нужен был кто-то, чтобы подтвердить это или опровергнуть. Но я не писал лица последние пять лет. И не знал, что должно произойти, чтобы я нашел в себе силы сделать это снова.

* * *

С вершины холма я наблюдал, как солнце опускается за темную громаду дома. Восточный берег озера был как на ладони. Морозный воздух обжигал ссадину на лбу.

На обратном пути я вновь миновал нагромождение камней, заваленных снегом; из отверстия чувствовался поток воздуха.

После ужина Говард попросил меня спуститься обратно в подвал, куда уже перенес мой спальник. Возле спальника – книги, питьевая вода, ведро и запас еды: вяленое мясо, кешью, бананы. В тот момент я не придавал этому значения, по-прежнему раздавленный и враждебный. Но когда проснулся,

дверь все еще была заперта. В первые мгновения я подумал, что с Холтом что-то случилось и это вся моя вода и еда на ближайшую вечность. Потом до меня дошло: он заранее все спланировал и куда-то свалил.

Говард толкал тележку между рядов в «Уолмарт Супер-центр». Девятое декабря, среда, 7:06 на часах, магазин открылся четыре минуты назад, и пока что он был единственным покупателем.

Первым делом Говард надел бейсболку с большой желтой «М», относящейся к студенческой баскетбольной команде «Мичиган Вулверинс». Он был на ногах уже двадцать шесть часов и, как только закончит здесь, собирался вздремнуть, а во второй половине дня – отправиться обратно на Верхний полуостров.

Играла фоновая музыка, поскрипывало левое колесико тележки. Говард шагал в своих больших черных ботинках. Вокруг было полно рождественского декора. Он прошел мимо детских рюкзаков с «Холодным сердцем», Молнией Мак-Куин и Человеком-пауком. Мимо гамаков, луков, стрел, трекинговых палок, палаток по девятисто восемь баксов, складных стульев.

А вот и то, что он искал: кислотное средство для чистки ванных комнат. А также респиратор и желтые резиновые перчатки. Прежде чем оставить машину, он пройдет этой хренью в багажнике. На упаковке написано, что средство обладает приятным запахом. Имея опыт использования подобных щелочных штук, Говард в этом сильно сомневал-

ся. А вот то, что оно справлялось с «различными загрязнениями» – чистая правда. Чистейшая. Он знал еще двоих, кто использовал именно это средство.

– Лили, немедленно остановись!

Девочка лет пяти с копной темных кудряшек бежала по проходу, размахивая игрушечным пистолетом. Она была в небесно-голубой футболке с изображением Дороти и ее друзей – Железного Дровосека, Страшилы и Трусливого Льва – на фоне Изумрудного города из фильма 1939 года.

– Держите ее!

Говард поставил банку обратно на полку, в три шага покрыл разделявшее их расстояние и осторожно подхватил ребенка на руки.

Девочка засмеялась, приставила пистолет к его груди над сердцем и выстрелила. Сухо щелкнул спусковой крючок.

– Пиф, паф, пуф! Я убила тебя.

– Точно, – сказал он.

– А ты умеешь стрелять из пистолета?

Говард мягко высвободил игрушечный пистолет из детской ладони, взвесил его в руке, быстрым движением навел на полку с консервированной фасолью и дважды нажал на спуск. Двойной сухой щелчок. Потом вернул пистолет.

– Умеешь, – кивнула девочка с серьезным видом. – Когда я вырасту, то стану охотником.

Подбежала молодая женщина со следами усталости на лице.

Девочка помахала ему пистолетом.

Говард взял банку, бросил к остальным продуктам и покати́л тележку дальше.

Когда тележка была забита доверху, он направил ее к кассам, но у стеллажа с журналами притормозил. Улыбающиеся женщины и мужчины, чьи жизни проходили мимо него. Он не смотрел «ящик», не ходил в кино, а все эти люди так или иначе имели отношение либо к одному, либо к другому.

Все, кроме него.

Говард сжал поручень тележки до побелевших костяшек, но после непродолжительной борьбы с собой все же вытащил один из журналов – с Митчеллом на обложке, окруженным своей обычной аурой нарастающего насилия.

Внутри была их совместная фотография: мистер и миссис Дэнни Митчелл. На ней – короткое черное платье с длинными рукавами, босоножки на тонком каблуке с ремешком на щиколотке и кольцо с желтым бриллиантом изумрудной огранки в окружении двух бесцветных алмазов бриллиантовой огранки. Говард помнил, как она шла к своей машине. Не бежала, не кричала, не плакала, просто шла. С лицом, залитым кровью.

* * *

Выкатив тележку из магазина, Говард толкал ее по полупустой парковке к серому «Шевроле Лумина» 1999 года

выпуска. Автомат, чудовищный пробег, вмятина на дверце, подголовник не рассчитан на высоких. Но серый металлик – скользкий цвет: глаз так и соскальзывает.

В руке звякнули два засаленных ключа с брелоком, изображавшим обнаженную женщину. Сгрузив покупки на заднее сиденье, Говард захлопнул дверцу, оставил тележку на соседнем парковочном месте и поднял воротник куртки. Срывающийся с низкого неба снег все равно добрался до шеи.

«Сабвэй» откроется только в одиннадцать, так что он заглянул в другой фастфуд, деливший с «Уолмартом» одну парковку. Как правило, он не посещал подобные места, но сегодня выбирать не из чего.

Надвинув козырек бейсболки на глаза, Говард стоял перед кассой, таращась на меню. Девчонка на кассе тараторила, перечисляя открывавшиеся перед ним дегустационные возможности. Встретившись с ним взглядом, она покраснела до самых ушей. Светловолосая, хорошенькая, с пирсингом в носу.

В итоге Говард остановился на рыбном бургере, салате и чае. Захватив номерок, сел за боковой столик, под которым еле уместил колени. Конечно, он мог взять еду навынос, но салон «Лумины» настолько пропах сигаретным дымом, будто в нем состоялась встреча клуба курцов. А на переднем пассажирском – огромное старое пятно, частично замытое, что также наводило на определенные мысли. Кроме того, ему

еще там спать.

Столешница была липкой, бургер – посредственным, чай – пожалуй, в порядке. Ну а от сетевого салата многого и не стоило ожидать, верно? Кроме него в забегаловке находились еще четыре человека: пожилая пара, одинокий старик и прыщавый парень. Говард доедал салат, когда к нему подошла девчонка с кассы и предложила сходить куда-нибудь вместе. Как насчет этого вечера? Может, завтра? Или на выходных? Говард сказал, что у него кое-кто есть. Хотя это было не так. Наверное, не так.

А что он должен был ей сказать? Уточнить, не хочет ли она потрахаться? Потому что он не ходил на свидания. Впрочем, уровень его уверенности в себе был достаточным, чтобы замечать, когда с ним флиртуют, и не задаваться вопросом: «Интересно, это она подает какие-то сигналы или просто так легла на спину и раздвинула ноги?»

Одиночество может быть опасным, размышлял он, садясь за руль. Одиночество может быть опасным, потому что к нему привыкаешь. С того самого момента, как ты находишь в нем верного спутника, у тебя пропадает всякое желание иметь дело с людьми.

* * *

Будильник прозвенел в середине сна. Говард вернул водительское кресло в исходное положение, провернул ключ в

замке зажигания и выехал на дорогу.

Во сне он сразу притянул ее к себе и, чувствуя ее дыхание на своем лице, рванул застежку на черном платье – с той решительностью, с какой поднимал ружье; пуговицы застучали по полу (то, что там пуговицы, а не «молния», было всего лишь смелым предположением).

– Ты чудовище, Говард Холт, – тихо сказала она и расстегнула ремень на его джинсах.

Сон таял, словно туман под утренним солнцем. В воде отражалось темнеющее небо.

Под Индиан Ривер Говард открыл багажник «Лумины» – огромный, но низкий. Мальчик был укрыт пледом, на голове – сеточка для волос, рукава и штанины плюшевого кигуруми, изображавшего Элмо из «Улицы Сезам», демонстрировали тонкие лодыжки и запястья. Такие кигуруми носят малыши или мальчишки, которые совсем скоро попрощаются с детством. Но, бывает, они прощаются с ним значительно раньше, просто продолжают держаться за вещи, которые напоминают о нем – о солнечных беззаботных днях, когда имеют значение лишь родители, мультфильмы и игрушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.